Н. Абрамовъ.

Даръ Слова.

Выпускъ шестой.

Искусство острить.

Глава I. Что такое остроуміе.

Приступая къ изученію „искусства острить“, попробуемъ прежде всего разобраться въ томъ, что же такое собственно значитъ „острить“, гдѣ границы понятія „остроуміе“, „острословіе“. Если вообще опредѣленіе словъ и понятій,—„дефиниціи“, какъ говорятъ ученые, — дѣло не легкое, то тутъ, гдѣ рѣчь идетъ о словѣ, употребляемомъ въ разговорѣ походя, въ примѣненіи къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ, опредѣленіе прямо затруднительно. А между тѣмъ безъ опредѣленія какъ то неловко, ибо ужъ такъ принято, что каждый предметъ изученія начинается съ опредѣленія: во главѣ ариѳметики идетъ опредѣленіе „числа“, физика начинается опредѣленіемъ предмета, исторія—опредѣленіемъ „исторіи“ и т. д. Правда, эти опредѣленія, при всей ихъ неудобоваримости, особой цѣнности не имѣютъ: въ худшемъ случаѣ окончательно запутываютъ неопытнаго въ философскихъ тонкостяхъ ребенка, а въ лучшемъ—ничего не прибавляютъ къ тому представленію о наукѣ, которое у него складывается при прохожденіи ея. Просто пріучается ребенокъ болтать, какъ сорока: „предложеніе есть сужденіе, выраженное словами или на письмѣ“. Но

Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай—деспотъ межъ людей,

давно ужъ сказалъ Пушкинъ, и поэтому, скрѣпя сердце, скажемъ, какъ опредѣляется понятіе острить въ сочиненіямъ по эстетикѣ и въ словаряхъ. „Острить значитъ находить сходство между вещами несходными и несходство между вещами сходными“. Когда Пушкинъ находитъ сходство между шпіономъ и твердымъ знакомъ (буквой ъ), или Козьма Прутковъ между дѣвицами и шашками, то это воспринимается нами, какъ остроты; мы узнаемъ, что, подобно буквѣ еръ, шпіоны нужны лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а между тѣмъ они всюду суются: за каждымъ словомъ, за каждой группой буквъ, идетъ еръ, какъ за каждой группой людей слѣдуетъ (вѣрнѣе: слѣдитъ) шпикъ; мы узнаемъ, что дѣвицы стремятся въ дамки (понимай: дамы, замужнія женщины), подобно шашкамъ въ извѣстной игрѣ. И такія неожиданныя сближенія, словно обогащая умъ, доставляютъ намъ извѣстное чувство удовлетворенія. Точно также, когда на вопросъ: „какая разница между улицей и курицей?“ народное остроуміе

отвѣчаетъ: „курица по улицѣ ходитъ, а улица по курицѣ не ходитъ“,—то мы поражаемся полной неожиданностью отвѣта.

Но ограничивается ли „остроуміе“ нахожденіемъ сходствъ или несходствъ?

Не нужно очень глубоко сидѣть въ предметѣ, чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить рѣшительнымъ „нѣтъ“. Опредѣленіе учебное хромлетъ на обѣ ноги, страдаетъ обоими основными недостатками всякаго плохого опредѣленія: оно одновременно и слишкомъ узко и слишкомъ широко. Оно слишкомъ узко потому, что есть масса остроумныхъ сужденій, слывущихъ и воспринимаемыхъ какъ остроумныя, но совсѣмъ не отыскивающихъ ни сходства, ни несходства между предметами или явленіями; оно слишкомъ широко потому, что многія науки занимаются классификаціей предметовъ и явленій, т. е. нахожденіемъ сходствъ и несходствъ, а между тѣмъ онѣ отнюдь не входятъ въ область остроумнаго. Вотъ почему, правильнѣе будетъ другое опредѣленіе (данное Жанъ-Полемъ): „Остроуміе есть игра мыслями“.

Въ сущности говоря, и это опредѣленіе не вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ „остроуміе.“ Правда, поскольку мы подъ игрою будемъ понимать нѣчто не серьезное, шуточное, отрѣшившееся отъ желѣзныхъ законовъ логики, остроуміе есть игра. Но играетъ ли оно только мыслями? Мы ниже увидимъ, что громадная часть сужденій, воспринимаемыхъ нами какъ остроумныя, играетъ звуками словъ, а не мыслями; увидимъ, что форма имѣетъ очень важное значеніе, и стоитъ только остроумную мысль выразить другими словами, какъ она потеряетъ соль.

Остроуміе ведетъ игру словами и звуками, жестами и минами, представленіями и мыслями, оно захватываетъ въ свои сѣти явленія и предметы, животныхъ и людей,—и нѣтъ конца сюжетамъ остроумія, и нѣтъ числа пріемамъ игры. И подобно тому какъ намъ доставляетъ эстетическое наслажденіе гармонія красокъ и звуковъ, пластическія движенія танцовщицы, граціозный прыжокъ акробата, такъ мы наслаждаемся игрой остроумія, дающей намъ и сочетаніе звуковъ, и новые образы и скачки мысли, поражающія смѣлостью. Остроуміе — родной братъ поэзіи; больше того, оно—отецъ поэзіи, сама поэзія въ примитивной формѣ, и мы никогда не узнаемъ происхожденія поэзіи, ея содержанія и формы, если не прослѣдимъ игру остроумія съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ.

Самое слово „остроуміе“ не русское: какъ и много другихъ совсѣмъ обрусѣвшихъ терминовъ, оно представляетъ буквальный переводъ нѣмецкаго Scharfsinn, и должно выражать ту же мысль, что и нѣмецкое Witz, если его производить отъ глагола wetzen („острить“). Нѣмецъ думаетъ, при этомъ о рѣжущемъ дѣйствіи краснаго словца; если оно не рѣжетъ или не проникаетъ глубоко, то это, по евоному, „плоская острота“ („flacher

Witz“). Но, видно, правильно сказалъ поэтъ, что

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.

Напрасно вымѣняли на его „остроуміе“ русскую „насмѣшку“ съ „пересмѣшкой“ да „красное словцо“. Потому что порѣзать, сказать грубость да рѣзкость, можетъ всякій дуракъ, а ты поди такъ скажи, чтобы и въ точку попасть да не поранить, чтобы правду молвить да не оскорбить, а еще потомъ добрыми друзьями остаться. И то неправда, будто остроуміе ужь непремѣнно рѣзать кого хочетъ. Имъ, правда, пользуются люди, желающі оскорбить, для того, чтобы тоньше и больнѣе рѣзнуть, но само оно имѣетъ цѣль эстетическую. Вотъ почему „красное словцо“ лучше „остроты“, а „насмѣшливость“ лучше „остроумія“.

Въ этой книжкѣ подъ словомъ „острить“ и разумѣется „сказать красное словцо“, „сказать насмѣшку“, и мы сначала разберемъ, что называется „смѣшнымъ“ и каковы цѣли „смѣшного“, а потомъ перейдемъ къ средствамъ, т. е. узнаемъ, какъ играютъ звуками, словами и мыслями, и наконецъ, познакомимся съ главнѣйшими видами русской юмористической мысли. Мы говоримъ „русской“, потому что у каждаго народа свой образъ мыслей и своя юмористика.

Глава II. **О смѣшномъ.**

Человѣкъ — несчастное существо. Тѣснымъ кольцомъ окружаютъ его жизнь сотни потребностей, желаній, интересовъ, вся эта повседневная „суета суетъ“, засасывающая медленно, но вѣрно самаго стойкаго изъ людей. И вотъ, когда ему какъ нибудь, хоть на минуту, удается вырваться изъ заколдованнаго круга заботъ земныхъ, когда ему удается забыть о томъ, что вѣчно держитъ его въ кабалѣ, что обычно наполняетъ его время и мысли, онъ испытываетъ удовольствіе. Это случается тогда, когда онъ встрѣчаетъ что нибудь возвышенное, переносящее его въ другой міръ, въ міръ прекраснаго. Это удовольствіе называется *эстетическимъ*, оно испытывается не пятью чувствами нашими, а душою. Источникъ его—въ ощущаемомъ чувствѣ свободы, освобожденія отъ пошлой житейской прозы и переселенія въ міръ прекрасныхъ сновидѣній, міръ звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но нетрудно видѣть, что свобода эта, хотя и минутная, скорѣе призрачная, чѣмъ дѣйствительная, что мы промѣняли кукушку на ястреба: мы освободились отъ власти суетнаго свѣта, за то подпали подъ власть возвышеннаго. Свѣтъ давилъ насъ своей прозой, гнулъ своимъ мильономъ терзаній, а возвышенное,—о, какое оно высокое, и какіе мы въ сравненіи съ нимъ маленькіе: мы стоимъ въ созерцаніи его, словно завороженные, неподвижно, съ молитвенно сложенными руками, боимся звукомъ голоса обнаружить свое присутствіе, нарушить очаро-

ваніе. Мы цѣликомъ въ его власти, мы подавлены его превосходствомъ, и... какъ были рабами, такъ и остались. И вотъ человѣческій духъ снова стремится къ свободѣ, впередъ и выше: а что если попробовать подняться еще выше возвышеннаго? а что если поискать въ этомъ возвышенномъ какихъ нибудь низинъ, дефектовъ, изъяновъ, неужли не найти? Вѣдь это значитъ—не много, не мало, а разбить цѣпи рабства, обрѣсти свободу! Поиски начинаются, и такъ какъ нѣтъ совершенства на землѣ, то они и увѣнчиваются успѣхомъ. Мы обнаруживаемъ изъянъ, выставляемъ его на свѣтъ, и—прости-прощай, возвышенное: его нѣтъ, оно сведено съ пьедестала и принижено, мы торжествуемъ освобожденіе, и чувство радости заставляетъ насъ дѣлать какъ разъ противоположное тому, что мы дѣлали раньше подъ чарующимъ вліяніемъ возвышеннаго,—заставляетъ насъ расширяться, плясать, издавать звуки, *смѣяться*.

Мы нашли источникъ смѣха: это *эгоистическое чувство собственнаго превосходства*.

Что мы въ своемъ выводѣ не уклонились отъ истины, показываетъ ежедневный опытъ. Вотъ ребенокъ начинаетъ ходить: послѣ долгихъ трудовъ и неудачныхъ попытокъ ему наконецъ удалось побѣдить свою немощь, стать ногою твердой и сдѣлать по комнатѣ нѣсколько самостоятельныхъ шаговъ. Онъ громко хохочетъ, размахиваетъ ручками, всячески обнаруживаетъ свою радость: и онъ, молъ, не хуже другихъ, онъ тоже ходить можетъ. Вотъ онъ подросъ, и вы не можете доставить ему большаго удовольствія, какъ если дадите себя поймать въ бѣгѣ какъ если останетесь побѣжденнымъ въ игрѣ или окажетесь въ сравненіи съ нимъ неловкимъ и непонятливымъ, не сможете повторить или даже понять то, что онъ продѣлываетъ съ такою легкостью. Откуда у него это удовольствіе? Что значитъ звонкій смѣхъ, которымъ онъ такъ заливается? Это радость отъ испытываемаго имъ чувства собственнаго превосходства или, что то же самое, отъ представленія о вашемъ несовершенствѣ. Стоитъ ему замѣтить, что вы нарочно были неловки въ игрѣ, что дурачкомъ то оказываетесь не вы, а онъ, и вся его радость пропадаетъ: онъ соглашается продолжать съ вами игру лишь подъ условіемъ, что вы ужъ теперь взаправду проиграете.

Такъ человѣкъ постепенно пріучается соединять въ своихъ мысляхъ чужія несовершенства съ собственнымъ превосходствомъ, такъ чужіе недостатки становятся для него источникомъ радости и смѣха. Тѣлесные пороки, неповоротливость, недогадливость, всякаго рода необыкновенныя положенія, привычки и пристрастія,—все это вызываетъ у него смѣхъ, если радость не заглушается другими чувствами, страхомъ, состраданіемъ, местью и пр. Такъ дѣти смѣются при видѣ горбатаго, забавляются надъ пьянымъ, потѣшаются надъ старикомъ, пока воспитаніе не вызоветъ у нихъ другихъ чувствъ,—состраданія къ физическому недостатку, отвращенія къ пороку и т. п. Когда у взрослаго человѣка эти „дру-

гія чувства“ не въ состояніи парализовать основного чувства радости, насмѣшка переходитъ въ *глумленіе*, *издѣвательство*.

Люди сытые, счастливые, свободные расположены къ шуткамъ и остротамъ, довольные сознаніемъ своего превосходства. Посмотрите на партнеровъ, сражающихся за пулькою или за шашками: каждый изъ нихъ норовитъ обыграть другого, т. е. оказаться хитрѣе, и этотъ эгоистическій разсчетъ находитъ свое выраженіе въ безконечныхъ шуткахъ и остротахъ, наполняющихъ время. Острятъ не только сытые и довольные, острятъ и люди, обиженные судьбой, но у этихъ остроты другого характера и другого происхожденія: имъ надо подбодрить себя, и достигаютъ они этого тѣмъ, что принижаютъ людей, несправедливо обласканныхъ судьбою. Отсюда ѣдкое остроуміе у горбатыхъ и вообще уродливыхъ, у евреевъ и т. д. Мимолетно расцвѣтшую у насъ въ освободительную эпоху юмористическую литературу и по характеру и по происхожденію надо отнести ко второму типу. .

Глава III. **Цѣли остроумія.**

Чтобы вызвать смѣхъ, надо, (какъ выше объяснено) представить несовершенство, а такъ какъ нѣтъ совершенства на землѣ, и повсюду прекрасное перемѣшано съ безобразнымъ въ большей или меньшей пропорціи, то задача желающаго вызвать смѣхъ заключается въ открытіи безобразнаго и выставленіи его на показъ, на посмѣшище людямъ. Для того, чтобы безобразное вышло замѣтнѣе, яснѣе, надо его освободить отъ всѣхъ прикрытій, за которыми оно скрывается, пустить на него снопъ свѣта,—взять за ушко да на солнышко.

Но иногда оно очень незамѣтно или очень крѣпко сидитъ притулившись: тутъ, чтобы разглядѣть, надо взять увеличительное стекло, надо увеличить безобразное насчетъ нормальнаго: получается *каррикатура*. Каррикатура не выдумываетъ недостатковъ, иначе стрѣляетъ въ пустую; она не должна и преувеличивать больно, иначе стрѣла полетитъ дальше цѣли; ей иногда достаточно взять черту или особенность даннаго лица и только представить ее въ другой обстановкѣ, т. е. лишивъ прикрытій. Въ области рѣчи и мимики, то же явленіе называется „пародировать“. Черта, даже совершенно безобидная у даннаго человѣка, становится смѣшной, когда мы ее видимъ на лицѣ, въ голосѣ или въ фигурѣ другого. Ребенокъ принялъ позу, манеры или голосъ взрослаго, котенокъ изображенъ граціозно подносящимъ букетъ цвѣтовъ своей возлюбленной кошечкѣ: эффектъ тотъ же, какъ если бы на портретѣ лицо одного приставить къ туловищу другого, съ тѣмъ непропорціональнаго.

Изображеніе неостроумно, не вызываетъ смѣха, когда мы не чувствуемъ подъ нимъ автора и его цѣлей; оно остроумно, когда

изображаемая черта представляетъ скрываемое несовершенство, когда съ одной стороны требовалась особая острота зрѣнія, чтобы данную черту подмѣтить, а съ другой—особая ловкость, чтобы въ нее попасть и надлежаще изобразить.

Изображеніе недостатковъ является самой осмысленной, самой важной и самой благородной цѣлью остроумія. Но едва ли это было первоначальной цѣлью его. Если подъ „остроуміе" подводить всякую игру звуками, словами или мыслями, доставляющую намъ эстетическое наслажденіе,—а въ такомъ смыслѣ оно обычно и употребляется,—то оно имѣетъ еще другія болѣе пріятныя и благодарныя цѣли: какъ и всякое искусство, оно скрашиваетъ нашу жизнь. Подобно соли, оно приправляетъ рѣчь, придаетъ ей особую пикантность, и недаромъ уже древніе называли „аттической солью" (sal atticum) тонкое остроуміе образованнаго аѳинскаго общества, какъ мы теперь называемъ это „перецъ" (ср. у Достоевскаго: „для оживленія моего фельетона, для сока, для кайенскаго перцу"). Напряженное отношеніе начальника къ подчиненному моментально разсѣивается при первой начальнической шуткѣ. Зарвавшійся спорщикъ, припертый къ стѣнѣ противникомъ, выходитъ изъ непріятнаго положенія остроумнымъ словомъ. Дипломатъ, вынужденный ходомъ бесѣды говорить, но не желающій сказать того, что отъ него ожидаютъ, отдѣлывается остроумнымъ анекдотомъ, какъ суррогатомъ отвѣта. Въ жизни каждаго человѣка встрѣчается тысяча случаевъ, когда сказать остроумное слово прямо необходимо, и горе тому, кто не учился искусству острить. Ибо остроуміе не умъ, а важнѣе, полезнѣе ума, и остроумный пролѣзетъ тамъ, гдѣ тысяча умниковъ застрянетъ.

Глава IV. **Игра звуковъ.**

Наипростѣйшій и наидревнѣйшій видъ остроумной игры представляетъ игра словами, какъ сочетаніями извѣстныхъ звуковъ. Въ языкѣ оказываются иногда близкими по произношенію слова, весьма далекія по значенію. Умъ это схватываетъ, соединяетъ созвучныя слова вмѣстѣ и получается сближеніе, озадачивающее неожиданностью.

Не подъ дождемъ: постоимъ да подождемъ. За подтасовку надо дать потасовку. Не вино винитъ, вина. Was ist das?—Кислый квасъ. Который часъ?—Ячный квасъ. Которая минута?—И ковшикъ тута. Которая четверть?—Изволь, хоть и черпать.

Такое сближеніе словъ по созвучію обильно эксплуатируется во всякаго рода *каламбурахъ*, поговоркахъ, пословицахъ, загадкахъ и т. д. на всѣхъ языкахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Nomen est omen („имя—знаменіе"). Amantes—amentes („влюбленные—безумные"). Traduttori—traditori („переводчики—предатели"). Папа даетъ благословеніе urbi et orbi („Риму и шару земному"). Dum vivimus—vivamus („пока живы, давайте жить"). Junge Bettschwestern — alte Betschwestern („смолоду грѣшили—въ старости молиться"). Состязаніе—истязаніе.

Разбирая игру созвучій, мы ее можемъ свести къ тремъ явленіямъ: аллитераціи, анаграммѣ и риѳмѣ.

Аллитераціей называется созвучіе буквъ или цѣлыхъ слоговъ обыкновенно въ началѣ словъ.

Въ одинъ, Климъ, клинъ колоти. Стоитъ попъ на копнѣ, колпакъ на попѣ, копна подъ попомъ, попъ подъ колпакомъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Сюда относится и знаменитый гекзаметръ Алариха на воротахъ Рима, гдѣ каждая стопа состоитъ изъ повторенія одного и того же слога:

Te tero Roma, manu nuda, date tela, latete.
(Я тру тебя, о Римъ, рукой невооруженной; давайте оружіе,—и васъ нѣтъ).

Анаграмма есть перемѣщеніе буквъ или слоговъ въ словѣ, дающее новое слово съ другимъ значеніемъ, напр., гробъ—горбъ, рога—гора, врать—рвать, ромъ—моръ, воронъ—норовъ. Анаграмма стоитъ на границѣ между игрою звуковъ и игрою буквъ.

Либо дупеля, либо пуделя (охотничья поговорка: либо по дупелю, либо промахъ). Мужъ по дрова, а жена со двора. На анаграммѣ основаны *палиндромы*, т. е. фразы, которыя одинаково читаются спереди назадъ и сзади напередъ, напр., Otto tenet mappam madidam, mappam tenet Otto. „А роза упала на лапу Азора". „Я иду съ мечомъ, судія". Вотъ посланіе, основанное на анаграммѣ:

Mitto tibi metulas; si vis cognoscere, vertas.
(Шлю тебѣ столбики; если хочешь узнать, переверни).

Если перевернуть metulas, получимъ salutem („здоровье"). Такого же рода другой стихъ:

Mitto tibi navem prora puppique carentem.
(Шлю тебѣ корабль безъ носа и кормы).

Если отнять отъ navem первую и послѣднюю букву („корму и носъ"), то остается ave („здравствуй").

Риѳма—созвучіе буквъ или цѣлыхъ слоговъ (начиная отъ ударенія) въ концѣ словъ — представляетъ самое великое и самое могучее средство игры. Остроуміе всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ основано на риѳмѣ, и почти всѣ наши пословицы, загадки, скороговорки имѣютъ въ основѣ своей это вѣчное стремленіе языка къ гармоніи звуковъ.

Удивленія достойно то, что древніе не знали риѳмы. Художественная рѣчь восточныхъ народовъ не знала *словесныхъ* созвучій, а только идейныя. Стихосложеніе древнихъ египтянъ, ассирійцевъ, монголовъ и евреевъ состоитъ въ параллелизмѣ или антитезѣ частей, т. е. въ пересказѣ одной мысли на два лада, по сходству или несходству. Ни риѳмы, ни ритма они не знали. У грековъ художественная рѣчь покоилась на *ритмѣ*, т. е. одинаковомъ чередованіи долгихъ и короткихъ слоговъ, дававшихъ ласкающій ухо музыкальный размѣръ. Арабы выработали *ассонансъ*, т. е. повтореніе одной и той же гласной въ ударяемомъ послѣднемъ слогѣ каждаго стиха. Это было начало риѳмы. Черезъ посредство испанской поэзіи Европа, унаслѣдовавшая отъ грековъ ритмъ, усвоила арабскій ассонансъ, причемъ то и другое приноровилось къ характеру европейскихъ нарѣчій: *ритмъ* превратился въ правильное чередованіе слоговъ ударяемыхъ и неударяемыхъ, а *ассонансъ* въ риѳму.

Пушкинъ излагаетъ свой взглядъ на риѳму въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.

Въ этомъ граціозномъ произведеніи великаго мастера риѳмы все вѣрно: и то, что риѳма дочь эха, и то, что она съ поэзіей въ родствѣ, и то, что покровительствуется памятью, — невѣренъ только классическій тонъ этого миѳа; древніе греки не знали риѳмы и не цѣнили ея, и миѳъ этотъ не соотвѣтствуетъ греческой мысли.

Въ игрѣ звуковъ риѳма занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Она обогатила языкъ многими реченіями, сначала представлявшими игру остроумія. Таковы: тяпъ-ляпъ, шито-крыто, тары да бары, шуры-муры заводить, фигли-мигли строить, голь-шмоль, халды-балды, шолты-болты, фокусъ-покусъ, гогель-могель, шахеръ-махеръ, трень-брень, цирлихъ-манирлихъ, шиворотъ-навыворотъ (ср. на иностранныхъ языкахъ: Hokus-Pokus, Töchtel-Möchtel, Charivari, pêle-mêle, hodge-pogde, Hoddy-Doddy). Ею, главнымъ образомъ, пользуются для образованія всякаго рода прозвищъ, пародій, намековъ (когда, напр., вм. дуракъ говорятъ „колпакъ“, „гусакъ“ „тюфякъ“; римскаго императора Тиверія за приверженность къ вину прозвали вм. Tiberius—Biberius). Она дала жизнь безчисленному количеству пословицъ, присловій и прибаутокъ (какъ дѣтскихъ, такъ и для употребленія взрослыхъ), которыми оперируетъ остроуміе. Таковы: „Владѣй, Ѳадей, нашей Парашей“. „Гуляй, Вавило, гдѣ сердцу мило“. „Въ водѣ черти, въ землѣ черви, въ Крыму татары, въ Москвѣ бояре, въ лѣсу сучки, въ городѣ крючки: лѣзь къ мужику въ пузо, тамъ оконце вставишь да и зимовать себѣ станешь“. „Дама изъ Амстердама“ „Тутъ всякой твари по парѣ“. „Не пить отъ Вознесенья до... поднесенья“ (зарокъ пьяницы). „Какъ дѣла? — Наши дѣла, какъ сажа бѣла“. „Есть квасъ да не про васъ“. Она, наконецъ, господствуетъ въ высшемъ, наиболѣе тонкомъ и наиболѣе благородномъ проявленіи остроумія—въ поэзіи.

Другія проявленія игры звуковъ менѣе могучи. Сюда относятся, во-первыхъ, всякія звуковыя подражанія, которыми языкъ и въ обыкновенныхъ случаяхъ пользуется для болѣе нагляднаго изображенія звуковыхъ явленій природы (какъ напр., въ словахъ: топотъ, бренчать, визжать, квакать). Таковы наши загадки: „Потату-потаты, такату-такаты,—а яички ворохомъ несутся“ (цѣпъ). „Вверхъ турлы, внизъ турлы, по тѣмъ турламъ пройти нельзя“ (тоже). „Изъ куста шипуля, за ногу типуля“ (змѣя). Ср. франц.: „d'où vient-il? que fait-il? et patati et patata“. Уже

древніе пользовались этимъ пріемомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ; у Эннія: „At tuba terribili sonitu taratantara dixit“; у Овидія: „Quamvis sint sub aqua, sub aqua maledicere tentant“.

Во-вторыхъ, къ игрѣ звуковъ относятся всякія передѣлки словъ на новый, болѣе оригинальный ладъ, иногда съ какой нибудь задней мыслью, а иногда и просто pour égayer la matière, чтобы придать рѣчи болѣе веселый, непринужденный характеръ. Таковы: долбица умноженія, плутократы, старушенція, гвардіонецъ, питухъ, растрепе, выкрутасы, бить по мордасамъ, прать пѣшедраломъ, пѣхтурой; чинодралъ, службистъ, сѣкуція, сѣканція, сѣкуторъ, чистоплюй, цыбулизованный, ашвабадительное движеніе, щиколадъ, аблакатъ, кіятеръ, вѣдмедь, патретъ, мадама, мамзель, филозофъ, прожектъ, свинтусъ, рабусъ, ымынынныкъ, бенедыктынчикъ; шваль (вм. сволочь), шпикъ (вм. шпіонъ), штафирка (вм. штатскій). У Лѣскова: „эта комнатка плохандросъ (т. е. плоха), но для школы ничего“; „у рыжаго физія была хитрая“. Пушкинъ находилъ, что онъ „огончарованъ“, и что ему „кюхельбекерно и тошно“. Къ этому же типу относятся и тѣ случаи, когда оригинальныя слова не выдумываются, а берутся изъ готоваго запаса словъ по созвучію, напр. дача съ протекціей (протекаетъ крыша), кормить завтраками (приходите завтра), театральная каша (вм. касса), скрипя сердцемъ (вм. скрѣпя сердце); дантистъ (драчунъ, бьющій по зубамъ), историческій человѣкъ (какъ Ноздревъ), галантерейное обращеніе, волосяная тяжба или расправа, волочильныхъ дѣлъ мастеръ (воръ), серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ волочильщикъ, праздникъ Пимена Гулимана и Лѣнтяя преподобнаго, съѣздить кого Харьковской губерніи Рожественскаго уѣзда въ городъ Рыльскъ (или: Мордасы); задать Храповицкаго; Тишенька лучше Машеньки; „Подари-жъ уѣхалъ въ Парижъ, остался одинъ Купи-жъ (ср. нѣмецк.: Der alte Schenk ist todt und Gebert hat ein Bein gebrochen, отъ schenken и geben; франц. Donnat est mort et Restaurat dort); спѣла изъ оперы „Затыкай уши“ (или „Потяни кота за хвостъ“); любимая пѣсенка „Я спать хочу“; „купилъ бы, да купила нѣтъ“; „хотѣлъ, да Хотѣй не велѣлъ“; *хапенъ зи гевезенъ*, *хаптусъ гевезенъ* о взяткахъ (сближается русское „хапать“ съ нѣмецк. haben, причемъ форма haben Sie gehabt для шутки передѣлывается на ошибочную: хабенъ зи гевезенъ, обычную у русскихъ); у Мельникова: „исправникъ посулилъ березовой каши съ ременнымъ масломъ“; наводитъ своими охами Тосканію; у Лѣскова: „Эй, гляди, математикъ, не добрались бы когда нибудь за это до твоей физики“. Къ этому же типу, наконецъ, относятся и тѣ случаи, когда слову придается не обычная грамматическая форма, напр. путешествовать по Европамъ, аппетиты у него большіе, въ енотахъ ходитъ; давно-ли пожаловали въ наши Палестины? Знатная обоего пола особа (изъ „знатныя обоего пола особы“). Особенно богатый источникъ для игры представляютъ иностранные языки. Иностран-

ное слово трактуется какъ русское: „пріѣхалъ пьяно-пьяниссимо, ну мертвецки“, „бельфамистая бабенка“, „ходить на цуфускахъ“ (пѣшкомъ); русскому слову придается иностранная форма: книга читабельная; ву понимэ? кель выражансъ! c'est d'une naglesse impostigible!

Особый родъ передѣлки словъ мы имѣемъ въ такъ называемомъ *„разговорѣ по херамъ“*, доселѣ практикующемся среди школьниковъ и грамотѣевъ. Игра эта состоитъ въ томъ, что передъ каждымъ слогомъ ставится *херъ* (вѣроятно, отъ нѣм. Herr, который слышится предъ каждымъ именемъ). Даль передаетъ такой анекдотъ: Два брата рѣшили говорить въ присутствіи отца по херамъ, но, видно, не искусились еще въ этомъ разговорѣ и приставляли херъ передъ каждымъ словомъ, а не слогомъ. Одинъ сказалъ: херъ-братъ херъ пойдемъ! — Херъ-куда?—Херъ-въ кабакъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда отецъ, хотя и неграмотный, вмѣшался въ ихъ бесѣду, сказавъ на томъ же языкѣ: А херъ-кнутъ?

Къ игрѣ звуковъ надо отнести и *тарабарскій языкъ*, еще недавно практиковавшійся у старообрядцевъ, а въ старину служившій для дипломатической переписки. Въ этомъ языкѣ извѣстныя буквы замѣняются другими (б в г д ж з к л м н ставятся вмѣсто щ ш ч ц х ф т с р п и наоборотъ). Нѣсколько иначе создано слово „лампопо“ (напитокъ изъ двухъ веществъ, пополамъ того и другого) путемъ перестановки второй половины слова „пополамъ“ на первое мѣсто, а первой на второмъ. Сюда-же надо отнести заимствованную изъ англійскаго языка замѣну словъ ихъ иниціалами, напр.: кадетъ (изъ к.-д.=конституціоналистъ-демократъ), эс-декъ (с.-д.=соціалистъ-демократъ) эс-эръ (с.-р.= соціалистъ-революціонеръ) и друг.

Въ область чистой *игры буквъ* вводятъ насъ: *акростихъ*, въ которомъ начальныя буквы стиховъ образуютъ слово *), каббалистическое таяніе слова „складъ, кладъ, ладъ, адъ“; „Naро-

---

*) Вотъ акростихъ, сочиненный Гоголемъ въ юности:

Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище монаховъ всѣхъ,
Инокъ строптивый,
Разстрига, совершившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ, имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй.

Акростихомъ пользуются въ альбомныхъ стихотвореніяхъ, когда надо показать, что стихи написаны именно для даннаго лица, и въ тѣхъ случаяхъ, когда надо обмануть чью либо бдительность: совершенно невинное по содержанію стихотвореніе можетъ дать акростихомъ: „такой-то дуракъ“.

leon apoleon poleon oleon leon on“) и ребусъ съ буквами въ родѣ:

O quid tua te
be bis bia abit
ra-ra-ra
es et in
ram-ram-ram
ii

(O superbe, quid superbis? tua superbia te superabit; terra es et in terram ibis; т. е. „о гордецъ! чего гордишься? твоя гордость переживетъ тебя; ты—земля и въ землю пойдешь“).

Особый видъ игры звуковъ представляетъ чтеніе знаковъ препинанія не въ надлежащемъ мѣстѣ и вольности въ разстановкѣ словъ. Извѣстно, что отъ перемѣны знака препинанія или перемѣщенія его на другое мѣсто смыслъ предложенія иногда мѣняется радикально. Существуетъ анекдотъ о резолюціи Николая I на одномъ смертномъ приговорѣ, выраженной въ трехъ словахъ безъ знака препинанія: „Помиловать нельзя повѣсить“. Отъ одной запятой зависитъ тутъ жизнь человѣка! Или: „Ивановъ сказалъ Петровъ дуракъ“; смыслъ двоякій: или „Ивановъ сказалъ: Петровъ дуракъ“, или „Ивановъ, сказалъ Петровъ, дуракъ“: отъ знаковъ препинанія зависитъ, кому кого въ судъ тянуть. Ср. нѣмецкія предложенія того же типа: „er will (,) sie nicht“; „Mein Liebchen, was willst du?—Noch mehr“ (у Гейне: Mein Liebchen, was willst du noch mehr?). Разстановка словъ въ предложеніи также можетъ быть источникомъ игры. Напр. „Дѣти на полу, умный на диванѣ“ можно прочитать: „Дѣтина полуумный на диванѣ“. Не съѣшь огурецъ соленый (съ Оленой). „Сверчонъ тму тараканъ (Тмутараканъ) побѣдилъ“, говорили послѣ побѣды Ярослава надъ Игоремъ, который сказалъ ему прежде: „не шуми за печью, сверчокъ“. По французски будетъ звучать одинаково: Nest énorme et m'embête, N est ténor, mais m'embête, N est énormement bête („Н. великъ и надоѣдаетъ мнѣ, Н. теноръ, но надоѣдаетъ мнѣ, Н. ужасно глупъ“). По нѣмецки: „Zwanzig Finger habe ich an jeder Hand, fünf und zwanzig an Händen und Füssen“; „zwanzig Finger habe ich; an jeder Hand fünf, und zwanzig an Händen und Füssen“).

Иногда перемѣна одной или нѣсколькихъ буквъ въ предложеніи радикально мѣняетъ смыслъ. На этомъ основана игра въ опечатки: оперируютъ съ такими предложеніями, гдѣ опечатка мѣняетъ смыслъ, напр. вм. частный приставъ—честный приставъ, вм. ободрять—ободрать. Пушкинъ указывалъ на двусмысленность стиха: „незнанья жалкая вина“ (можно понимать: „незнанье жалкое вина“). Шопенгауэръ выплачивалъ своей кухаркѣ пожизненную пенсію за увѣчье; когда она умерла, онъ написалъ: Obit anus, abit onus („умерла старуха, обуза съ плечъ“).

Глава V. Игра словъ.

Игра словъ представляетъ болѣе высокую ступень остроумной игры, нежели игра звуковъ: первая дѣйствуетъ на внутреннее ухо, разбирающее содержаніе словъ, а вторая только на внѣшнее, интересующееся звуками; первая есть „бонмо" (bonmot), вторая — „каламбуръ"; первая допускаетъ переводъ на иностранные языки, вторая непереводима. Когда Лессингъ говоритъ объ одной книгѣ, что „въ ней много хорошаго и новаго, только жаль, что хорошее не ново, а новое не хорошо", то онъ играетъ словами, и игра не теряетъ своей соли и въ русскомъ переводѣ. Наоборотъ, извѣстная острота Шлейермахера „die Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft", дающая въ русскомъ переводѣ: „ревность есть страсть, которая ревностно ищетъ, что доставляетъ страданіе", представляетъ игру звуковъ, ибо, несмотря на получающуюся и по русски игру („ревность— ревностно"), она соль свою потеряла.

Игра словъ беретъ слово въ самомъ широкомъ значеніи его, играетъ значеніемъ его слоговъ и составныхъ частей, его этимологіей, эквивалентомъ его въ иностранныхъ языкахъ, его отношеніемъ къ другимъ словамъ въ предложеніи. Требуется особое „остряковское" ухо, чтобы въ словѣ, кромѣ его нормальнаго значенія, съ которымъ оно постоянно ассоціируется у насъ въ головѣ, подмѣчать всѣ эти особенности. Понятно, что чѣмъ разнообразнѣе значеніе слова, чѣмъ больше въ немъ составныхъ частей, тѣмъ болѣе оно подходитъ для игры.

Игру словъ можно разбить на двѣ большія группы: на игру однимъ словомъ и игру двумя или нѣсколькими словами. Къ первой группѣ относятся случаи, когда игра ведется на различныхъ значеніяхъ одного и того же слова (игра *омонимами*), ко второй—случаи, когда игра ведется на словахъ родственныхъ или противоположныхъ по значенію (игра *синонимами* и контрастами), либо вообще на словахъ одной категоріи.

А. Игра омонимовъ.

Омонимами называются слова одинаковаго произношенія, но не одинаковаго значенія. Это въ сущности разныя слова (иногда даже отъ различныхъ корней), случайно встрѣтившіяся въ какой нибудь формѣ: *спалъ* на печкѣ и *спалъ* съ печки, вступилъ въ *бракъ* и попалъ въ *бракъ*, *бранный* подвигъ и *бранное* слово, *отказать* кому деньги и *отказать* въ деньгахъ, *безцѣнный*-дорогой и *безцѣнный*-маловажный, *заказать*-приказать и *заказать*-запретить, *запамятовать*-забыть и *запамятовать*-запомнить. Обыкновенно говорятъ, что это слова со многими значеніями. Если въ одномъ и томъ же предложеніи употребимъ одно и то же слово въ разныхъ значеніяхъ или употребимъ слово, имѣющее два значенія, въ обоихъ значеніяхъ сразу, то получимъ *игру омонимовъ*. „Эта вина стоитъ полведра вина"

говорятъ сельскіе остряки на сходѣ. „Это съ его стороны тонкій пріемъ, но гдѣ тонко, тамъ и рвется". „И курица пьетъ", отвѣчаетъ пьяница на упрекъ въ пьянствѣ. „Жениться по любви... къ деньгамъ". „Хорошо бьетъ ружье: съ полки упало, семь горшковъ разбило". Такъ какъ значеніе слова въ предложеніи обусловливается относящимися къ нему опредѣленіями и дополненіями, то смѣшеніе послѣднихъ даетъ также игру омонимовъ. „Шли два студента: одинъ въ университетъ, другой въ калошахъ". „Вы, трезвенники, пьете чай изъ принципа, а я изъ блюдечка". „Вы играете по нотамъ?—Нѣтъ, по струнамъ". Загадка: „почемъ ходитъ рубль?" Отвѣтъ: по карманамъ.—Мужикъ ладилъ борону въ избѣ и все время спрашивалъ у жены: такъ ли? Жена ему говоритъ, указывая при этомъ на разные недостатки: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ? Мужикъ, принимая во вниманіе указанія жены, продолжалъ работать, но когда кончилъ, то увидалъ, что борона въ двери не лѣзетъ, и сталъ ругать жену: какъ это ты все время говорила, что такъ? Она отвѣчаетъ: да я и говорила: такъ-то такъ, да *вонъ* то какъ!—„Кажется, что...— Перекрестись, и перестанетъ казаться".

Омонимы являются естественнымъ результатомъ развитія рѣчи, ибо развитіе всякаго языка состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что слова пріобрѣтаютъ кромѣ прямыхъ значеній еще переносныя, фигральныя. Если употребить какое нибудь слово въ прямомъ и переносномъ его значеніи рядомъ, то получимъ самый легкій видъ игры омонимовъ: „шелъ дождь и студенты". „Вакса чернитъ съ пользою, а злой человѣкъ съ удовольствіемъ" [Прутк.) Вы открываете словарь языка и находите, положимъ, что слово „заниматься" имѣетъ три значенія: занимается мѣсто, занимается ученикъ, занимается заря. Вы спрашиваете: въ чемъ сходство между Наташей и зарей? Отвѣтъ: обѣ ежедневно занимаются. Или спрашиваете: какая разница между вечерней зарей и мѣстомъ въ классѣ? Отвѣтъ: заря занимается вечеромъ, а мѣсто утромъ. Вопросы о сходствѣ и разницѣ представляютъ самый несложный родъ игры омонимовъ, доступный всякому, у кого только есть словарь языка, но въ тоже время требующій большой смѣтливости отъ отгадчика.

Болѣе сложный родъ игры омонимовъ имѣемъ въ томъ случаѣ, когда фигуральное выраженіе трактуется какъ прямое, т. е. на фигуральное выраженіе переносятся свойства прямого. У Салтыкова, напр., читаемъ: „Уши выше лба не растутъ; а у кого ненарокомъ и вырастутъ сверхъ мѣры,—подрѣзать маленечко можно". У Гоголя: „у него вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ". „Онъ нѣсколько собакъ съѣлъ въ этой наукѣ". „Давай отвѣтъ на вопросъ; спрячь хвостъ то, будетъ вилять" (Гл. Успенск.). Въ послѣднемъ примѣрѣ основная фигура („вилять хвостомъ") повторяется, ибо иначе остается непонятнымъ выраженіе „спрячь хвостъ", представляющее развитіе первой фигуры. Такую же игривую трактовку фигуральнаго реченія имѣемъ въ слѣдующемъ анекдотѣ, разсказанномъ Пушкинымъ:

Денисъ Давыдовъ (знаменитый партизанъ, имѣвшій очень короткій носъ) явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону (у котораго носъ отличался особенно крупными размѣрами) и сказалъ: „главнокомандующій приказалъ доложить Вашему Сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить“. Багратіонъ отвѣчалъ: „непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко, а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать“.

Остроуміе не останавливается на примѣненіи свойствъ прямого выраженія къ фигуральному, оно переноситъ свойства одного фигуральнаго выраженія на другое, и получается забавное столкновеніе фигуръ: „онъ былъ добрый, но простой человѣкъ. и видѣлъ не далѣе своего носа, за который водила его жена“ (Марлинск.).

Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Ленскій спрашиваетъ: „Что день грядущій мнѣ готовитъ?“ Такъ какъ „готовятъ“ повара, то играющій на этомъ выраженіи задаетъ вопросъ: какъ звали повара у Ленскаго? Отвѣтъ: „день грядущій“. Острота глупа, потому что второе значеніе не подходитъ къ данной конструкціи стиха: если бы подлежащимъ въ этомъ предложеніи было слово, могущее замѣнить „повара“, то игра была бы остроумной, ибо въ правильной игрѣ словъ *оба значенія подходятъ къ составу фразы.*

Когда одно изъ этихъ значеній невиннаго свойства, а другое заключаетъ въ себѣ нѣчто скрываемое, то игра пріобрѣтаетъ пикантность. Таковую мы имѣемъ въ эпиграммѣ Лермонтова:

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.

У одного петербургскаго судьи судилась нѣкая дѣвица. На вопросъ судьи, чѣмъ она занимается? та смущенно отвѣчаетъ: „я, господинъ судья, гуляю“.

— Ну что жъ, и я каждый день гуляю, но чѣмъ вы собственно занимаетесь?

— Я, господинъ судья... у меня гости бываютъ!

— Да и у меня, отвѣчаетъ судья, иногда гости бываютъ, но чѣмъ-то вы занимаетесь?

Къ игрѣ омонимовъ надо отнести и тѣ случаи, когда значеніе слова быстро и насильственно мѣняется посреди предложенія. Напр. въ восклицаніи „Сколько лѣтъ, сколько зимъ!“, употребляющемся при встрѣчѣ долго невиданнаго человѣка, значеніе слова „лѣтъ“ (т. е. годовъ) быстро мѣняется отъ прибавки словъ „сколько зимъ“. Въ быстротѣ перемѣны и заключается весь эффектъ этого фамильярнаго реченія. Вотъ еще: „Ну-съ,—по нѣмецки орѣхъ“. „Вотъ такъ исторія съ географіей!“ „Заѣденный средой, четвергомъ и пятницей“. Къ такой быстрой перемѣнѣ значенія прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится поправить невзначай вырвавшееся слово. „Эхъ ты, мать твою поймать, да за отца замужъ отдать“, говоритъ одинъ изъ героевъ Горькаго. То же явленіе мы встрѣчаемъ во французскихъ реченіяхъ: corbleu, parbleu, jarnibleu, jarnicoton, гдѣ Dieu

замѣнено его звуковымъ эквивалентомъ bleu *); въ нѣмецкихъ: Donnerwetter, Donnerleder ,Potztausend; то же въ названіяхъ дьявола—Deixel, Diantre, Dickens, какъ у насъ вм. „чортъ“ говорятъ: шутъ, шишъ, жидъ, лядъ. Выраженіе „самъ квартальный не разберетъ“ (вм. „самъ чертъ“) относится къ игрѣ синонимовъ.

Подобіе игры омонимовъ мы имѣемъ въ тѣхъ случахъ, когда иностранное слово, большей частью, собственное имя, разсматривается какъ русское. Напр.: „Вреденъ не столько вреденъ, сколько безполезенъ“, говорили въ мое время студенты Петербургскаго Университета про профессора Вредена, бездарнѣйшаго изъ экономистовъ. Офицеръ, влюбленный въ нѣкую г-жу Сталь, отправился на войну, и Лермонтовъ написалъ экспромтъ:

Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

Или вотъ эпиграмма Пушкина:

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ;
Но я, поэтъ, не лицемѣрю:
Согласенъ я: онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ не вѣрю.

Неисчерпаемый источникъ игры доставляетъ буквальный переводъ съ одного языка на другой. Такія выраженія какъ „строить куры“, „ферлакурничать“ (faire la cour), „на цуфускахъ“, представляютъ прямую аналогію съ „сталью“ и „скотомъ“ въ только-что приведенныхъ эпиграммахъ. Еще шагъ, и мы доходимъ до такихъ выраженій, какъ „быть въ своей тарелкѣ“, гдѣ „тарелка“ есть ложный переводъ французскаго слова assiette, означающаго „настроеніе“. Ниже, въ главѣ о смѣхотворности незнанія, мы увидимъ, какъ остроуміе пользуется подобными переводами, тутъ же замѣтимъ, что въ родномъ языкѣ истинное значеніе двусмысленнаго слова вытекаетъ изъ мѣста, занимаемаго имъ въ предложеніи, въ иностранныхъ же языкахъ истинное значеніе слова намъ опредѣлить гораздо труднѣе. На этомъ основываются, напр., слѣдующія латинскія фразы, останавливающія самыхъ опытныхъ латинистовъ:

Mea pater, mea mater, vestram filiam lupus est.
(Иди отецъ, иди мать, вашу дочь ѣстъ волкъ).
Qui patrem suum necat, non peccat
(Убивать отца свиней не грѣхъ).

Нужно отмѣтить, что уже древніе интересовались игрою словъ, хотя ихъ интересъ былъ, главнымъ образомъ, діалектическій,— съ цѣлью открывать ошибки въ разсужденіи противника. Наше

---

*) Относительно „jarnicoton“ сложилась легенда, будто французскій король Генрихъ IV часто употреблялъ клятву jarnidieu (je renie Dieu, „я отрицаю Бога“). Когда его духовникъ Coton указалъ на кощунственность этой клятвы, король замѣнилъ Dieu словомъ Coton, и вышло: „отрицаю Котона“. Но это вздоръ: Coton есть звуковой эквивалентъ какого-нибудь имени Бога.

изслѣдованіе объ игрѣ словъ будетъ неполно, если мы не приведемъ шести разновидностей неправильной рѣчи, подмѣченныхъ Аристотелемъ.

1) Двусмысленность слова (*омонимія*). „Медвѣди плотоядны; среди созвѣздій есть медвѣдица; слѣдовательно, нѣкоторыя созвѣздія плотоядны“.

2) Двусмысленность оборота (*амфиболія*): „Какъ вы себя чувствуете?—Да ничѣмъ, какъ чувствами, напр. осязаніемъ.— Нѣтъ, я хочу спросить: въ какомъ вы настроеніи?—Т. е. какъ, въ какомъ настроеніи? развѣ я рояль, чтобы меня настраивали?— Опять не то: я спрашиваю, какъ вы себя находите сегодня?— Я себя вовсе не терялъ, и поэтому найти себя никакъ не могу.

3) Соединеніе (*синтезисъ*): „Сократъ дуренъ; Сократъ музыкантъ; слѣдовательно, Сократъ дурной музыкантъ“.

4) Разъединеніе (*діайрезисъ*): „Сократъ дурной музыкантъ; слѣдовательно, Сократъ дуренъ и музыкантъ“.

5) Двусмысленность произношенія (*просодія*): одинъ говоритъ „богословъ“, а другой понимаетъ „богъ ословъ“; одинъ читаетъ „съ свинцомъ въ груди“, а другой понимаетъ: „съ винцомъ въ груди“.

6) Двусмысленность окончанія (*схема лексеосъ*): „Кириллъ Петровичъ, Ивановъ ругается!—Ну такъ что жъ! — Да онъ ругается!—Какое-жъ тебѣ дѣло, вѣдь онъ, ты говоришь, ругаетъ „ся“, т. е. себя?“

Кромѣ перечисленныхъ двусмысленностей, относимыхъ Аристотелемъ къ неправильности мышленія, древніе знали еще одинъ видъ двусмысленности, который также представляетъ родъ игры омонимовъ, имѣвшій полное право гражданства. Это— двусмысленность отвѣтовъ оракула. Древнѣйшій образчикъ такого отвѣта имѣемъ уже въ Библіи (Быт. 25, 23), гдѣ оракулъ отвѣчаетъ Ревеккѣ, вопрошающей о своихъ двухъ сыновьяхъ: „старшему служить младшему“. Греческіе оракулы довели до совершенства эти двусмысленные отвѣты. На вопросъ Креза, слѣдуетъ ли вести войну съ персами, дельфійскій оракулъ отвѣчаетъ:

Κροῖσος Ἅλυν διαβὰς μεγαλην ἀρχην καταλυσει
(Крезъ, перейдя Галисъ, погубитъ великое царство)

Понадѣявшись на этотъ отвѣтъ, Крезъ перешелъ рѣку Галисъ, и дѣйствительно, погубилъ великое царство... свое собственное, ибо потерпѣлъ жестокое пораженіе. Отвѣтъ оракула Пирру, отправлявшемуся на войну съ римлянами:

Ajo te, Aeacida, Romanos vincere posse

можно передать съ сохраненіемъ двусмысленности и въ русскомъ переводѣ:

Предсказываю тебѣ, Эакидъ, возможность римлянъ побѣдить.

В. Игра синонимовъ и контрастовъ.

Синонимами называются слова родственныхъ значеній (милый, дорогой); *контрастами*—слова противоположныхъ значеній (силь-

ный, слабый). Достаточно заглянуть въ „Словарь Синонимовъ“, чтобы замѣтить, что синонимы располагаются гнѣздами и что слово, входящее въ одно гнѣздо, можетъ имѣть мѣсто и въ другомъ. Это оттого, что слово имѣетъ разныя значенія, и однимъ входитъ въ одно гнѣздо, а другимъ въ другое. Напр., „недалекій“ входитъ въ гнѣздо „Близкій, ближній“ и въ гнѣздо „Глупый“. Если мы вмѣсто „Письма къ ближнимъ“ (такъ надписываются фельетоны одного извѣстнаго публициста) скажемъ „Письма къ недалекимъ“, то получимъ пикантную игру синонимовъ, а если скажемъ „Письма къ дальнимъ“, то получимъ игру контрастовъ, употребляющуюся въ ироническомъ оборотѣ рѣчи. Въ пословицѣ „лучше съ добрымъ потерять, чѣмъ съ благимъ найти“ соединилась игра синонимовъ съ игрою контрастовъ: „благой“ однимъ своимъ значеніемъ есть синонимъ „добраго“, а другимъ— его контрастъ („взбалмошный, блажной“). То же имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда синонимы противополагаются одинъ другому: „смѣнилъ, но не замѣнилъ; смотришь да не видишь; много народу, да мало людей; много наговорено, но мало сказано“. „Какъ мало прожито, какъ много пережито“ (Надсонъ). Жилъ собакой околѣлъ псомъ.

Менѣе сложный видъ игры синонимовъ имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слово шуточно замѣняется его синонимомъ, имѣющимъ чуждый для даннаго случая оттѣнокъ, напр., когда „извощика“ назовемъ „автомедономъ“ (по имени возницы Ахиллеса), жандарма—„алгвазиломъ“ (названіе испанскаго жандарма), рѣчь—„аллокуціей“ (такъ называется рѣчь папы къ кардиналамъ), хозяина—„амфитріономъ“, Бога—„Аллахомъ“, одобреніе—„апробаціей“, деньги—„аржанами“, „аржанчиками“, денежными знаками, „оболомъ“ („нѣтъ ни обола“), критика — „аристархомъ“, честнаго человѣка — „аристидомъ“, драку —„баталіей“, домъ сумасшедшихъ—„бедламомъ“, тестя—„боперомъ“, „боперчикомъ“, лошадь—„буцефаломъ“, лакея—„ганимедомъ“, вспышку—„бутадой“, угри — „ботондамурами“, поцѣлуй — „безе“, „безешкой“, полицейскаго — „фараономъ“, „крючкомъ“, носъ — „нюхаломъ“, калоши — „мокроступами“, учителя — „менторомъ“, студента — „студіозусомъ“, простака—„азинусомъ“, брата—„братаномъ“.

Къ этому же типу игры синонимовъ принадлежатъ синонимическія вольности (т. е. употребленіе неподходящаго синонима). „На насъ смотрѣли какъ на жениха и невѣсту, какъ на *приговоренныхъ* къ браку“. *Скоропостижное* отрѣшеніе отъ своихъ словъ. Дуракъ 96-й пробы. Чистѣйшей воды бюрократъ. Нововременецъ pur sang. Комикъ высокаго давленія. Читать запоемъ. Взяточникъ въ квадратѣ, въ кубѣ. „Мы же то смертельно пьяны, то мертвецки влюблены“ (Пушк). Кто то постарался испортить мои часы.

Подобіемъ „синоническихъ вольностей“ является употребленіе разныхъ выраженій *по инерціи рѣчи*. Выраженіе „на зло“ сопровождается словами „надменному сосѣду“ (по извѣстному

стиху Пушкина), хотя бы сосѣдъ и не отличался надменностью. „По вольности дворянства!“ „Вотъ такъ клюква!“ „Не тотъ каленкоръ!“ „Дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ“ (по извѣстному стиху Грибоѣдова). „Въ здавомъ умѣ и твердой памяти“. Ничего и очень мало“ (у Пушкина: „ничего иль очень мало“). „На сонъ грядущій“ (молитва озаглавлена: „на сонъ грядущымъ“) „Ей-ей“ *). Питать влеченье—родъ недуга къ чему (по извѣстному стиху Грибоѣдова). „Честь и мѣсто“ (по извѣстной формулѣ при смѣнѣ часовыхъ). „Точно такъ“, никакъ нѣтъ“, „радъ стараться“ (по извѣстнымъ солдатскимъ реченіямъ). Къ этой же категоріи относится употребленіе въ рѣчи пословицъ и прибаутокъ, научныхъ терминовъ, изреченій и т. д. иногда съ легкой передѣлкой, смотря по обстоятельствамъ. Во всѣхъ этихъ случахъ слова изъ одной обстановки переносятся въ другую точно такъ же, какъ въ „синонимическихъ вольностяхъ“.

Игру контрастовъ и словъ одной категоріи имѣемъ, когда рядомъ сопоставляются слова противоположныхъ либо исключающихъ другъ друга значеній или же слова, принадлежащія къ одной наукѣ, одному ремеслу и т. п. Напр.: Тонкій намекъ на толстое обстоятельство. Однажды шелъ дождикъ дважды. Я его грѣшнымъ дѣломъ да за святые волоса; святымъ кулакомъ да по окаянной шеѣ. Красное солнышко на бѣломъ свѣтѣ черную землю грѣетъ.

Игра контрастовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совпадаетъ съ игрою *антитезы*, каковую и зри ниже.

Глава VI. Игра мыслей.

Высшую ступень остроумія представляетъ игра мыслей: тутъ играющій самъ куетъ себѣ свой матеріалъ, идетъ, куда влечетъ его свободный умъ, а не пользуется созвучіемъ или многозначительностью словъ, которыя онъ находитъ готовыми въ языкѣ. Мы разобьемъ пріемы этой игры на три группы, по тремъ главнымъ основаніямъ: на *антитезу*, *сравненіе* и *умолчаніе*. Въ антитезѣ (о ней мы подробно говорили въ вып. IV „Даръ Слова“ стр. 8—10) игра строится на противоположности двухъ мыслей, въ сравненіи—на подобіи ихъ, въ умолчаніи—на тождествѣ.

А. Антитеза.

Играющій сближаетъ понятія противоположныя или въ обыкновенныхъ условіяхъ встрѣчающіяся только раздѣльно. Лермонтовъ пишетъ:

*) Божба „ей-ей“ основана на томъ мѣстѣ Евангелія, гдѣ сказано: не клянитесь, но говорите на да—да, на нѣтъ—нѣтъ (Мѳ. 5, 37). Мѣсто это понято въ томъ смыслѣ, что божиться надо словами „ей-ей“ (т. е. „да—да“) и „ни—ни“ (т. е. нѣтъ-нѣтъ). Другая божба „ей-Богу“, есть сокращенное реченіе „ей, Богу содѣйствующу“ или „ей, Богу споспѣшествующу“ (т. е. „да, съ помощью Божіей“), ср. напр. отвѣты постригающагося въ монашество.

Мнѣ скучно... потому что весело тебѣ.

Пушкинъ рисуетъ своего критика ищущимъ

Дневного пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Онъ же говоритъ о „бездѣльникѣ дѣловомъ“.

Епископъ, совершая крещеніе надъ Хлодвигомъ, королемъ Франковъ, говоритъ ему: „incende quod adorasti, adora quod incendisti“ („сожги чему поклонялся, т. е. идолъ, поклоняйся тому, что сожигалъ, т. е. кресту), каковая антитеза выражена поэтомъ такъ:

И я сожгъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Вотъ еще примѣры антитезъ изъ Лермонтова:

Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла.

Давыдовъ, отъѣзжая на войну, написалъ одной дамѣ въ альбомъ.

Мы всѣ несемъ едино бремя,
Только жребій нашъ иной:
Вы — назначены на племя,
Я — назначенъ на убой.

Двойную антитезу имѣемъ въ приводимой Пушкинымъ остротѣ одного состарѣвшагося волокиты: „moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral“.

У Достоевскаго читаемъ антитезу двухъ фигуральныхъ выраженій: „онъ на большую ногу жилъ, затѣмъ что руки были длинны“.

Вотъ нѣсколько примѣровъ простыхъ антитезъ:

Челомъ бьетъ вашему хорошеству мое ничтожество. Великій звѣрь на малыя дѣла. Тутъ-то маленькій человѣкъ и сдѣлалъ большое свинство. Купить лишнее — продать нужное. За маленькимъ погнался, большое потерялъ. Погибла не благодаря этой тактикѣ, а несмотря на нее. Худой миръ лучше доброй ссоры. Лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ (или: „маленькій деревянный домъ, чѣмъ большая каменная болѣзнь“ — антитеза прямого и фигуральнаго выраженія). Малый барышъ лучше большого наклада. Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольной свиньей. „Упалъ то больно, да всталъ здорово“ (Грибоѣд.). „Нельзя быть ангеломъ! (оправданіе провинившагося). — Да не надо быть и дьяволомъ! (отвѣтъ)“.

Подобно риѳмѣ, антитеза большей частью господствуетъ надъ мыслью, придавая ей направленіе, не совпадающее съ обычнымъ; подобно риѳмѣ, она — великій ресурсъ остроумія.

Одинъ изъ видовъ антитезы заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду громадной роли, которую онъ играетъ въ обличеніи человѣческихъ недостатковъ. Дѣло въ томъ, что несовершенное распознается легче всего, если его сопоставить съ совершеннымъ: чѣмъ яснѣе прекрасное, тѣмъ больше бросается въ глаза безобразіе уродливаго. Чтобы вывести безобразное на полный

свѣтъ, надо его помѣстить въ самой близкой близи къ прекрасному, такъ чтобы ихъ можно было обнять одним взглядомъ, или, еще лучше, наложить одно на другое, какъ это дѣлается въ геометріи при сравненіи треугольниковъ. Заставляя безобразное щеголять въ одѣяніи прекраснаго, слабость являться въ обстановкѣ силы, невѣжество говорить языкомъ и съ апломбомъ учености,—мы только подчеркнемъ безобразіе, слабость и невѣжество. Такое дѣйствіе называется *иронія*, насмѣшка.

Не идетъ Ѳедора за Егора: а Ѳедора идетъ, да Егоръ-то не беретъ. По всѣмъ тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной нѣтъ ни одной. Умный бы ты былъ человѣкъ, кабы не дуракъ. Хороши наши ребята, только славушка дурна. Такая красава, что въ окно глянетъ, конь прянетъ, на дворъ выйдетъ, три дни собаки лаютъ. Поправить-то можно, да будетъ хуже. Ума палата, да разума маловато. Много ржи, да все лебеда.

Самую простую форму ироніи имѣемъ когда глупаго назовемъ умникомъ („отколѣ умная бредешь ты голова?" Крыл.), бѣднаго милліонеромъ, вора честнымъ человѣкомъ и т. п. Нѣсколько менѣе ярка, но не менѣе эффектна будетъ фигура смягченія (*евфемизмъ*), гдѣ сама иронія скрыта, лишена оскорбительной яркости. Если я „грубость" назову не „деликатностью", а „откровенностью", „прямолинейностью", „выразительностью", то иронія будетъ скрыта, иные примутъ ее за чистую монету; вѣдь можно быть разныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же дѣйствіи!

Спорить съ нимъ—удовольствіе изъ среднихъ (иронически: „спорить съ нимъ великое удовольствіе"). Авторъ весьма условной (или: сомнительной) талантливости. О его честности говорятъ разно. Задѣть кого въ лицо. Въ дипломатическихъ оборотахъ евфемизмы потеряли ироническій оттѣнокъ: вмѣсто „наступитъ война" говорятъ: „послѣдуетъ разрывъ дружественныхъ отношеній"; это не можетъ способствовать улучшенію отношеній. На Монтіоновскую премію (за высокую нравственность) не претендуетъ. „Балалайкинъ почтенъ отъ начальства единственнымъ въ своемъ родѣ отличіемъ: правомъ носить на спинѣ изображеніе бубноваго туза" (Салт.). Удостоился получить оплеуху. Отзывы о немъ не всегда и не вездѣ лестны. Господинъ, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, укралъ мою шубу. Наступить на любимую мозоль.

Иронія можетъ быть выражена не замѣной мысли ея противоположностью, а только тономъ, гримасой. Въ этомъ случаѣ имѣемъ *сарказмъ* *). Иронія—это смѣхъ скрытаго сожалѣнія, смѣхъ сквозь слезы, сарказмъ—злая иронія, смѣхъ злорадства, презрѣнія и гнѣва. Когда Мефистофель посылаетъ Фаусту упрекъ, выраженный словомъ „соблазнитель!" то онъ даетъ примѣръ сарказма. Такъ какъ сарказмъ выражается, главнымъ образомъ, тономъ, и для него нѣтъ подходящаго знака среди знаковъ препинанія, то на письмѣ, а иногда въ рѣчи, прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ для его выраженія. Въ иныхъ случаяхъ переиначивается слово, напр. филозо́фъ, прожектъ, дровокатъ (вм. адвокатъ), цибулизованный, эхъ-министръ (вм. ех-министръ), въ другихъ случаяхъ приставляется какое-нибудь реченіе, въ

---

*) *Саркастическая насмѣшка* имѣетъ синонимъ въ смѣхѣ *сардоническомъ* (отъ слова Sardonia—ядовитая трава, вызывавшая судорожное подергиваніе лица).

родѣ: „скажите, какая тонкость!“ „бить меня идетъ! ахъ, жалости (или: страсти) какія!“ „этотъ, съ позволенія сказать, профессоръ“ **); сей „писатель“: сей писатель въ ковычкахъ, „сей тоже-писатель“, сей, такъ называемый, писатель; „(sic!)“, „(!)“; „наша, слава Богу, конституція“ (такъ писали въ газетахъ, намекая на слова одного министра: „у насъ, слава Богу, конституціи нѣтъ“). Для сарказма могутъ быть использованы всякаго рода передразниванія, присюсюкиванія, умаленія: „патріотъ своего отечества“, „сороковой годочекъ пошелъ“; „собралось полтора человѣка“; „безъ году недѣлю“; „изъ колокольныхъ дворянъ“, т. е. изъ духовнаго званія; „изъ Іерусалимскихъ дворянъ“, т. е. еврей. Наконецъ, существуютъ въ языкѣ слова, употребляющіяся съ оттѣнкомъ сарказма, какъ то: народецъ, компанія, экземплярецъ, субъектъ, типъ (ср. французское espèce).

— А развѣ не генералъ?

— Генералъ, да только съ другой стороны... больше настоящаго генерала (Гоголь).

И это значитъ жить? И это—перлъ созданья,
Разумный человѣкъ? (Надсонъ).

В. Сравненіе.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній художественной рѣчи является сравненіе, поясняющее предметъ однимъ словомъ нагляднѣе, живѣе и ярче, чѣмъ длинное описаніе. Всѣ виды образной рѣчи (тропы, метафоры, олицетвореніе, аллегорія и др.) въ концѣ концовъ сводятся къ сравненію. Загадки, пословицы и поговорки въ большинствѣ случаевъ также сравненія. Многія выраженія, потерявшія въ современной рѣчи значеніе художественныхъ, были первоначально образными, основанными на сравненіи.

Хотя сравненіе, какъ особый родъ игры мыслей, и входитъ цѣликомъ въ нашу тему, однако, въ виду того, что оно принято художественной рѣчью вообще, и широко разработано въ учебникахъ стилистики, то мы остановимся только на тѣхъ видахъ его, которые заключаютъ въ себѣ элементъ смѣшного. Впрочемъ, нужно оговориться: „смѣшное“ есть понятіе относительное, и то, что одному кажется смѣшнымъ, для другого ничего смѣшного не представляетъ; то, что намъ же казалось смѣшнымъ вчера, сегодня уже не кажется смѣшнымъ, переставши быть новымъ.

Смѣшны сравненія, у которыхъ основанія неправильны. Напр. если на основаніи двухъ предложеній: „идетъ дождь“ и „идетъ студентъ“, мы сдѣлаемъ выводъ, что „студентъ подобенъ дождю“, то получимъ сравненіе неправильное, ибо основаніемъ служитъ

**) „Съ позволенія сказать“, „простите за выраженіе“, passez moi le mot, „прости Господи“, „Господи помилуй“ и тому подобныя выраженія обыкновенно приставляются къ словамъ почему либо неудобосказуемымъ; если ихъ приставить къ словамъ нейтральнымъ, то получается тотъ же эффектъ презрительности, какъ отъ искаженія слова.

игра омонимовъ. Таковы почти всѣ сравненія въ „Мысляхъ и Афоризмахъ“ Козьмы Пруткова:

Воображеніе поэта, удрученнаго горемъ, подобно ногѣ, заключенной въ новый сапогъ. Женатый повѣса воробью подобенъ. Усердный врачъ подобенъ пеликану. Эгоистъ подобенъ давно сидящему въ колодцѣ. Геній подобенъ холму, возвышающемуся на равнинѣ. Умныя рѣчи подобны строкамъ, напечатаннымъ курсивомъ. Магнитная стрѣлка, непреодолимо влекомая къ сѣверу, подобна мужу, который блюдетъ законы. Перо, пишущее для денегъ, смѣло уподоблю шарманкѣ въ рукахъ скитающагося иностранца. Иного прогуливающагося старца смѣло уподоблю песочнымъ часамъ. Чувствительный человѣкъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его, онъ растаетъ. Многіе чиновники стальному перу подобны. Спеціалистъ подобенъ флюсу: полнота его одностороння. Небо, усѣянное звѣздами, всегда уподоблю груди заслуженнаго генерала. Доблій мужъ подобенъ мавзолею. Ревнивый мужъ подобенъ турку. Почти всякій человѣкъ подобенъ сосуду съ кранами, наполненному живительною влагою производящихъ силъ. Умная женщина подобна Семирамидѣ. Любой фатъ подобенъ трясогузкѣ. Вѣстовщикъ рѣшету подобенъ. Дѣвицы вообще подобны шашкамъ: не всякой удается, но всякой желается попасть въ дамки. Неправое богатство подобно крессъ-салату: оно растетъ на каждомъ войлокѣ. Хорошаго правителя справедливо уподобляютъ кучеру. Добрая сигара подобна земному шару— она вертится для удовольствія человѣка.

Подобныхъ сравненій можно насочинить пятнадцать томовъ, всѣ они основаны на игрѣ омонимовъ, самомъ дешевомъ типѣ игры словъ.

Въ рубрику сравненій съ невѣрнымъ основаніемъ должно отнести и всякаго рода опредѣленія (дефиниціи), которыя часто только замаскированныя сравненія. Напр.: „Первый шагъ младенца есть первый шагъ къ его смерти“ (Прутковъ); „Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія“ (онъ-же); дилеттантизмъ есть любовь къ искусству безъ взаимности. У иныхъ опредѣленій смѣшной элементъ заключается въ невѣжествѣ ихъ; зри ниже главу о смѣхотворности незнанія. Къ опредѣленіямъ примыкаютъ и прозвища а, которыя смѣшны и въ томъ случаѣ, когда они обнаруживаютъ какой нибудь скрываемый недостатокъ носителя его, и въ томъ, когда они совсѣмъ непримѣнимы къ носителю.

Наконецъ, смѣшной элементъ заключаютъ въ себѣ сравненія или опредѣленія съ фиктивнымъ основаніемъ, напр. „вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней“; „понимаетъ, какъ свинья въ апельсинахъ“ (т. е. не понимаетъ); „пушка—это дырка, обитая мѣдью“, „половые органы—ключи ада“ (говорятъ скопцы);--или *гиперболическія*, напр.: „изъ кожи вонъ лѣзетъ“ (жиренъ), „повертывается, какъ исподній жерновъ“ (о лѣнивомъ), „ѣдетъ, что по клюкву ягоду, по клюкву“ (тихо), „больно свято звонишь: чуть на небѣ не слышно“ (о ханжѣ), „такого онъ рода, что на полный стаканъ глядѣть не можетъ“ (о пьяницѣ). На смѣхотворности гиперболъ основаны шутки, которыя въ юмористическихъ журналахъ называются „верхами“ (Gipfelpunkte): „верхъ силы: сучекъ въ кулакѣ сожметъ, такъ вода пойдетъ“; „верхъ дородства: онъ поперекъ себя толще“ (т. е. толще роста своего); „верхъ безлѣсья: барабанной палки (или: кнутовища) негдѣ выро-

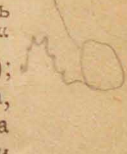
зать; парня нечѣмъ высѣчь"; „верхъ удачи: бабу вынимаютъ— печь ломаютъ" (т. е. баба такъ хорошо взошла); „верхъ сонливости: спитъ хоть изъ пушекъ пали"; „верхъ вѣрности: къ моимъ часамъ солнышко ходитъ справляться, который часъ"; „верхъ ловкости; онъ по яйцамъ пройдетъ, ни одного не раздавитъ".

С. Умолчаніе.

Если разсужденіе знакомаго лица о знакомомъ предметѣ слѣдуетъ всѣмъ законамъ логики, то можно въ самомъ началѣ догадаться, какое оно приметъ направленіе, каковы будутъ промежуточныя звенья, посылки, аргументы и выводы. Если одно изъ звеньевъ почему-либо выпадетъ, мы его легко восполнимъ сами. На этомъ основанъ самый серьезный и самый могучій изъ пріемовъ остроумія, пріемъ умолчанія (въ обыкновенной рѣчи—*недомолвка, намекъ*). Къ ней прибѣгаютъ не только остряки, которымъ нерѣдко опасно говорить, но и другіе, пріемлющіе ученіе Вольтера: le secret d'ennuyer est celui de tout dire („секретъ надоѣсть: все сказать"). Тутъ все искусство заключается въ томъ, чтобы овцы были цѣлы и волки сыты, т. е. чтобы не сказать того, что не надо, но въ то же время дать читателю полную возможность догадаться о пропущенномъ.

Простѣйшая форма намека состоитъ въ томъ, чтобы процитировать какую нибудь общеизвѣстную пословицу или загадку, популярный стихъ, распространенное реченіе, или напомнить какое нибудь общеизвѣстное являеніе,—и остановиться посерединѣ или просто пропустить неудобосказуемое слово: читатель самъ докончитъ или восполнитъ пропущенное. Напр.: „чтобъ тебѣ!" „съ твоимъ умомъ только въ горохѣ сидѣть" (т. е. пугаломъ); „молоко на губахъ не обсохло" (т. е. молодъ); „сходилъ туда, куда царь пѣшій ходитъ"; (по извѣстной загадкѣ); „съѣздила въ Москву" (рожать), съѣздилъ въ Ригу" (рвать). Графически такой пропускъ иногда изображается многоточіемъ, напр. „Богъ не выдастъ"..., а словесно—междометіями: гм! того, тае, тютю, фюить, ай-ай и т. д. „Я было и того, да жена не того,—ну ужъ и я растого". Дальнѣйшее развитіе этого способа умолчанія имѣемъ въ намекахъ акцентомъ, жестомъ или гримасой, приводящихъ на память то или другое лицо либо явленіе.

Болѣе сложную форму имѣемъ, когда неудобосказуемое слово замѣняется мѣстоименіемъ, на которое и переходятъ свойства неудобсказуемаго. Напр., когда вы говорите: „съ нимъ пива не сваришь", то вы имѣете въ виду пословицу: „съ дуракомъ пива не сваришь", и подставивъ „его" на мѣсто „дурака", попросту обозвали его дуракомъ. У Салтыкова одинъ чиновникъ жалуется на губернатора: „онъ спрашиваетъ, какой у васъ въ уѣздѣ духъ? А я почемъ знаю? Ему то съ полагоря: бросилъ камень въ воду, а я его вытаскивай". Такъ какъ въ пословицѣ значится: „дуракъ въ воду кинетъ камень, а десять умныхъ не вынутъ", то чиновникъ этотъ въ одно и то же время и губернатора какъ бы

дуракомъ обозвалъ, и себя умникомъ. У Григоровича читаемъ: „Графъ П. — представительная наружнсстъ, но по первому взгляду можно заключить, что пороху не выдумалъ“ (по пословицѣ: „дуракъ пороха не выдумаетъ“). У Гоголя: „я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои“... (по пословицѣ: „посади свинью за столъ, она и ноги на столъ“). „Дуракъ!—Умниковъ по умнымъ послали, а меня къ вашей милости“. „Матушка рожь кормитъ всѣхъ дураковъ сплошь, а пшеничка по выбору“ (т. е. кормитъ дураковъ по выбору). „Два дурака дерутся, а третій смотритъ“ (надпись на картинѣ, гдѣ третьяго не видно). „Mendelsohn ist *ein* Esel.—Friedrich II“. Послѣдніе примѣры любопытны тѣмъ, что умолчаніе не искусственно, а основывается на грамматическомъ законѣ.

Бываютъ случаи, гдѣ требуется больше ловкости для построенія намека. Одинъ филологъ, разбирая особенности русскихъ глаголовъ, долженъ былъ упомянуть и о такомъ, котораго написать en toutes lettres онъ никакъ не рѣшался. И вотъ онъ вышелъ изъ затрудненія, написавъ: „тотъ глаголъ, отъ котораго производится существительное *соръ*, какъ отъ *брать*—боръ, отъ *врать*—воръ и т. д.“. Много остроумія положено нашими писателями, чтобы обойти то русское сквернословіе *), о которомъ говоритъ пословица: „не величай меня по батюшкѣ и не ругай меня по матушкѣ“. У Гоголя: „вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли“. У Салтыкова (въ „Помпадурахъ“): „независимо отъ обильно расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило пріобщать къ нимъ родственниковъ, оскорбляемыхъ въ восходящей линіи“. У него же („За рубежомъ“): „краткое нравоученіе съ иллюстраціями изъ избранныхъ сочиненій по части митирогнозіи“. У Пруткова: „И такъ другъ друга, съ крикомъ вящимъ, язвятъ въ колѣнѣ восходящемъ“. Народъ употребляетъ звукоподражанія: ѣдятъ те мухи да комары! пироги съ горохомъ въ ротъ! въ ротъ тѣ грошъ! „А тверезая, въ ротъ ей пирога съ горохомъ ,никогда не бываетъ“ (Толст.). (Ср. еще цитату изъ Горькаго, выше на стр. 16). То же встрѣчаемъ въ выраженіяхъ „курицынъ сынъ“, „кошкинъ сынъ“, замѣняющихъ ставшее непечатнымъ выраженіе „сукинъ (сучій) сынъ“, которое само уже является смягченіемъ другого выраженія **). Иногда для намека служитъ слово, случайно ассоціирующееся въ нашемъ воображеніи съ неудобосказуемымъ, напр., „Камелія“ (вм. кокотка) по роману Дюма La dame aux camélias, гдѣ героиня любительница этихъ цвѣтовъ.

*) Впрочемъ, это сквернословіе не чисто русское: оно имѣетъ точныя параллели въ языкахъ испанскомъ, южно-славянскомъ, румынскомъ и венгерскомъ, т. е. у всѣхъ народовъ, соприкасавшихся съ полигамическимъ Востокомъ.

**) „Сука“ вм. блудница, повидимому, библейскаго происхожденія (ср. Вт. 23, 18: „да не принесеши мзды блудничи, ниже цѣны песіи въ домъ Господа“; 1 Цар. 20, 30 ругательство: „сыне дѣвокъ блудницъ“). Въ испанскомъ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе hijo de puta (съ усиленіемъ: hijo de mil putas,

Когда на восклицаніе: „да онъ съ ума сошелъ!“—вамъ отвѣчаютъ: „ему не съ чего сходить“, то, вмѣстѣ съ игривой трактовкой фигуральнаго выраженія „сойти съ ума“, имѣемъ утвержденіе, что у него ума нѣтъ. Такая же игра у Пушкина:

Сошлися школьники и вскорѣ
Одинъ изъ нихъ кой какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума—не рецензента горе.

„Я думалъ, идутъ двое, анъ—мужикъ съ бабой“ (т. е. баба не человѣкъ). „Въ преніяхъ участвовали люди серьезные и г. Н.“. (Н. исключается изъ числа людей серьезныхъ). „Ваше поведеніе показываетъ, что вы больны... Пошлите за ветеринаромъ (т. е. вы—животное). „Его дѣйствіями можетъ заинтересоваться психіатръ“ (т. е. онъ сумасшедшій). „Тебѣ не въ шашки, а въ бабки играть“ (т. е ты ребенокъ). „Н. бросилъ педагогику и идетъ въ журналистику: насколько первое отрадно, настолько второе печально; или: можно порадоваться за педагогику и нельзя не пожалѣть журналистику (т. е. Н. плохъ и какъ педагогъ и какъ журналистъ).

Самую сложную форму умолчанія имѣемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда читателю приходится восполнять пропущенную мысль. Въ конечномъ выводѣ умолчаніе этого рода сводится къ пропуску одного изъ членовъ силлогизма, возстановленіе котораго доступно всякому логически мыслящему или, точнѣе сказать, логически дисциплинированному человѣку.

Пушкинъ пишетъ: „должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ“. Тутъ пропущена посылка: „большинство состоитъ изъ глупцовъ“, которая и придаетъ всему изреченію извѣстную пикантность.

Еще ярче, ибо лаконичнѣе, сострилъ Фокіонъ, когда услышалъ громкіе аплодисменты, прервавшие его рѣчь въ народномъ собраніи. Онъ только спросилъ: развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость? Пропущенный тутъ членъ силлогизма: „толпа рукоплещетъ глупости“.

Вотъ одна изъ эпиграммъ Пушкина, основанныхъ на умолчаніи самой соли:

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты безстыдникъ! ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

Пропущена посылка: „твоя дружба порочитъ“.

Въ обыкновенной рѣчи употребляютъ выраженія: „Не сахарный!“ (т. е. не растаешь, идя подъ дождемъ). „Жена не стекло!“ (побить можно). „Руки чешутся“; „у него спина чешется“

Умолчаніе, какъ пріемъ остроумія, имѣетъ преимущественное примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится говорить о

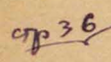
---

hijo de sesenta mil putas) не считается непечатнымъ, какъ и само слово puta, которое встрѣчается во многихъ пословицахъ и поговоркахъ. Ср.

Puta la madre, puta la hija,
Puta la manta que las cobija.

(Мать—б... и дочь—б..., и одѣяло, ихъ покрывающее,—б..., т. е. всѣ никуда не годятся).

предметахъ или дѣйствіяхъ, либо не „салонныхъ“ (nicht salonfähig), т. е. о тѣлѣ и его функціяхъ, либо не парламентарныхъ (non parlementaire), т. е. граждански оскорбительныхъ, либо не цензурныхъ, т. е. насильственно изъятыхъ изъ области прямого и гласнаго обсужденія, — обыкновенно для скрытія общественнаго мнѣнія.

Понятіе „*салонности*“, такъ сказать—общественной стыдливости, относительно. Теперь по всей Европѣ открыто говорятъ о дамскихъ ножкахъ, о стальномъ носкѣ Тальони и т. п., не оскорбляя ничьей стыдливости, а между тѣмъ еще двѣсти лѣтъ тому назадъ въ Италіи и Испаніи считалось въ высшей степени неприличнымъ говорить о ногахъ, и королева рѣзко оборвала пажа, нашедшаго ея подвязку, замѣчаніемъ: „вы забываете, что у испанской королевы нѣтъ ногъ!“ (Въ наукѣ это явленіе и носитъ названіе: pieds pudiques). Въ современномъ европейскомъ обществѣ не говорятъ о половыхъ и естественныхъ функціяхъ тѣла, объ органахъ, исполняющихъ эти функціи, и вообще обо всемъ, что напоминаетъ эти органы и функціи. Однако въ то время какъ у насъ никто не позволитъ себѣ въ обществѣ громко произнести то непечатное четырехбуквенное слово, которое Пушкинымъ риѳмуется съ Европой, французы открыто

произносятъ равнозначащее ему слово cul и въ десяткѣ сложныхъ выраженій, какъ cul-de-sac, cul-de-lampe, cul de basse-fosse, cul d'artichaut, cul de bouteille, и отдѣльно. То же и съ той частью костюма, которая является вмѣстилищемъ органа сидѣнія. Григоровичъ пишетъ: „я зналъ одну даму, которая говорила очень свободно: „Pierre, ne salissez pas votre pantalon“, и скорѣе умерла бы, чѣмъ сказала: „Pierre, не марай своихъ панталонъ“ („Свистулькинъ“) *).

Понятіе „*парламентарности*“ также не вездѣ и не всегда одинаково. Въ то время какъ въ англійскомъ парламентѣ считается непарламентарнымъ назвать кого-нибудь изъ членовъ парламента по имени, а не „достопочтенный представитель такого то округа“ или „послѣдній ораторъ“, въ нашемъ парламентѣ не только членовъ называютъ во время дебатовъ по фамиліи, но и предсѣдателю, случается, кидаютъ съ мѣста имя и отчество. Въ то время какъ въ идеальномъ парламентѣ личность и мнѣнія каждаго члена неприкосновенны, т. е. никто изъ членовъ парламента не можетъ быть прямо оскорбляемъ другими и не можетъ быть лишенъ возможности высказаться, развѣ что

*) Произносить при комъ нибудь слова несалонныя значить выразить ему презрѣніе: ты, молъ, для меня не существуешь. То же и относительно несалонныхъ жестовъ, какъ показываніе кукиша, высовываніе языка, выставленіе задней части тѣла. Идея презрѣнія лежитъ и въ показываніи „свиного уха“ евреямъ или татарамъ. Искусные ораторы пользуются несалонными выраженіями для презрительной ироніи. Такъ въ Думѣ одинъ ораторъ, возражая противнику, употребилъ такой сарказмъ: „я въ этомъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что графъ N. носитъ штаны“.

властью предсѣдателя, у насъ сплошь и рядомъ умышленно заглушаютъ слова ораторовъ или обзываютъ ихъ негодяями, измѣнниками, мальчишками и т. д. Такимъ образомъ наша парламентская трибуна отнюдь не можетъ служить критеріемъ для опредѣленія парламентарности того или другого выраженія.

Наконецъ, понятіе *цензурности*, совсѣмъ не поддается опредѣленію, ибо находится въ полной зависимости отъ того, чего хочетъ правая нога господина оберъ-цензора.

Необходимость обойти эти три подводные камня—несалонность, непарламентарность и нецензурность—выработала особый типъ языка, полный умолчаній и аллегорій и носящій названіе „езоповскаго“ по имени баснописца Езопа. Русская литература, поставленная до самаго послѣдняго времени въ особенно счастливыя условія, дала много блестящихъ образчиковъ езоповскаго языка на темы политически-нецензурныя, образчиковъ, которые можно поставить рядомъ съ произведеніями Боккачіо, Вольтера и Бальзака, трактующими по-езопски темы несалонныя.

Русскій языкъ не имѣетъ особенныхъ выраженій для обхода несалонныхъ или непарламентарныхъ; существующія въ незначительномъ количествѣ, какъ „невыразимыя“ („inexpressibles“), „эти дамы“ („ces dames“), „безъ оныхъ“, заимствованы изъ иностранныхъ языковъ. Судя по количеству синонимовъ и перифразъ, языкъ обходитъ, главнымъ образомъ, выраженія: бить, пить вино (ср. „пьетъ“), брать взятки (ср „беретъ“), красть и убѣгать; но это не оттого, что названныя выраженія разсматриваются какъ несалонныя или непарламентарныя, а оттого, что пороки, ими представляемые, встрѣчаются на каждомъ шагу, и народъ относится къ нимъ съ добродушной снисходительностью.

Особый видъ игры въ умолчаніе, которой весьма охотно забавляется остроуміе, заключается въ томъ, чтобы помалкивать до поры, до времени, заставить слушателя теряться въ догадкахъ о пропущенномъ, возбудить въ немъ великія надежды, а потомъ бухнуть что-нибудь совершенно неожиданное или даже прямо противоположное ожидавшемуся. На этомъ построена одна изъ самыхъ эффектныхъ эпиграммъ Лермонтова:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы,... все три, а не четыре.

Вотъ эпиграммы Пушкина, построенныя на томъ же приципѣ:

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ...
„Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!“
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
„Откройся, милый сынъ натуры!
Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?“
А тотъ въ отвѣтъ: „мнѣ хочется на дворъ!“

* * *

Желали правъ они—права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣлали широкіе штаны.

Этотъ пріемъ, напоминающій латинскую пословицу: „parturiunt montes, nascetur ridiculus mus“, переведенную Тредьяковскимъ: „пышутся горы родить, а смѣшной родится мышенокъ“, излюбленъ остряками на всѣхъ языкахъ. Руссо пишетъ:

De tous les animaux qui marchent sur la terre,
Qui planent dans l'air ou nagent dans la mer
De Paris au Pérou, du Japon à Rome
Le plus sot animal, à mon avis c'est l'homme,

(Изъ всѣхъ животныхъ, что ходятъ по землѣ, летаютъ по воздуху или плаваютъ въ морѣ, отъ Парижа до Перу, отъ Японіи до Рима, самое глупое животное, по моему мнѣнію, это человѣкъ).

Народное остроуміе эксплуатируетъ этотъ пріемъ разными способами:

Не пейте вина, не то, гдѣ застану, самъ съ вами сяду. Не били, а только колотили. „Служба, не видалъ-ли тутъ теленочка? — А какой онъ былъ? — Рыженькій съ обрывкомъ на шеѣ! — А одинъ бокъ потертый? — Да, да, онъ и есть! — Нѣтъ, не видалъ“. Около меня пуля свищетъ, я туда — свищетъ, я сюда — свищетъ; бѣда, думаю, влѣзъ на березу, сижу — свищетъ, анъ это у меня въ носу. Летитъ пуля, жужжитъ; я въ бокъ — она за мной, я въ другой — она за мной, я упалъ въ кустъ — она меня хвать въ лобъ, я цапъ рукой — анъ это жукъ. „Бывало ай-ай тяжело было, сказалъ татаринъ, что ни праздникъ, то начальнику барана тащи. — А теперь? — Совсѣмъ легко стало: гуртомъ гоняемъ“. „Въ каждой дюжинѣ словъ двѣнадцать лишнихъ“ (Шекспиръ).

Сюда же относится очень распространенная, ибо нетрудная игра съ исправленіемъ или дополненіемъ извѣстныхъ образцовъ, напр., пословицъ, заповѣдей и т. д.

„Тише ѣдешь, дальше будешь“ — отъ того, мѣста куда ѣдешь. „Вѣкъ живи — вѣкъ учись“ — и вѣкъ дуракомъ останешься. „Помни день субботній“: иди въ баню. „Пришелъ, увидѣлъ . . побѣжалъ. „Голодъ лучшій поваръ“ — но ему варить нечего. „Дважды даетъ, кто скоро даетъ“, — ибо, подумавъ, онъ далъ бы только половину.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ читатель пародируемаго предложенія имѣетъ въ головѣ его первоначальную форму, съ которой у него связана извѣстная идея; поправкой или дополненіемъ его мысль выбивается изъ обычной колеи, и на этомъ основанъ смѣхотворный эффектъ.

Глава VII. Игра съ незнаніемъ.

Мы уже выше говорили, что источникомъ смѣха является чувство превосходства, испытываемое нами при видѣ чужого несовершенства. Намъ, напр., весело, когда мы знаемъ то, чего другіе не знаютъ. На этомъ основываются составители фарсовъ, когда они заставляютъ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ впадать въ ошибки вслѣдствіе того, что принимаютъ одно лицо вмѣсто другого. Это — такъ называемое *кипроко* (quiproquo отъ „quid pro quo“, заглавія средневѣкового аптекарскаго списка лекарствъ, допускающихъ замѣну другими): мы смѣемся надъ незнающимъ, хотя бы его слова и поступки сами по себѣ и не были смѣшны. Остроуміе пользуется смѣхотворностью незнанія, симулируя незнающаго. Нѣкоторые изъ употребительнѣйшихъ пріемовъ мы сейчасъ и разсмотримъ.

Чтобы вызвать смѣхъ игрою звуковъ, словъ или мыслей, надо обладать извѣстными познаніями, умѣньемъ и ловкостью; человѣкъ, не обладающій этими качествами, легко можетъ заблудиться въ лабиринтѣ созвучій и значеній,—и его безпомощность также вызоветъ смѣхъ. Первый является активнымъ виновникомъ нашего смѣха, второй—пассивнымъ объектомъ его. Кто-нибудь гладко, безъ запинокъ произнесъ трудную скороговорку: его искусство доставляетъ намъ извѣстное эстетическое наслажденіе, выражающееся въ улыбкѣ. Кто-нибудь вслѣдъ за нимъ произнесъ ту же скороговорку, но спутался: онъ вызываетъ смѣхъ. Это—смѣхъ, вызванный *галиматьей*.

Разсказываютъ, что одинъ французскій адвокатъ, на судебномъ разбирательствѣ дѣла о пѣтухѣ нѣкоего Матвѣя, вмѣсто gallus Matthiae („пѣтухъ Матвѣя"), путаясь, говорилъ: „galli Matthias"; отъ этого и пошло слово galimatias, *галиматья*. Повторяя скороговорку, мы рискуемъ попасться и сказать галиматью. Остроуміе нарочно употребляетъ галиматью для осмѣиванія незнанія или для ироніи.

„Здорово, кума!"—Да на рынкѣ была!—„Никакъ глуха?"—Купила пѣтуха (или: потроха).—„Прощай, кума!"—Полтину дала! (Насмѣшка надъ глухимъ).

„Что тамъ?"—Съ пареными грошами проѣхали, по рѣкѣ аршинъ (или: съ пареной рѣпой проѣхали, по грошу аршинъ).—„Здравствуй, сватъ!—Да по дрова поѣхалъ". Пошелъ я на лыко гору драть, увидалъ, на уткахъ озеро плаваетъ (прибаутка). Пестрыя ворота изъ подъ собакъ брешутъ. Дома-ли хозяинъ?—Собака дома, а хозяинъ привязанъ. Сѣдлай порты, надѣвай коня! Какъ ты сюда попалъ?—Ворона въ пузырѣ занесла. На дубу свинья гнѣздо свила, а овца пришла да яйцо снесла. Собака летѣла, ворона на хвосту сидѣла (или: ворона летѣла, собака на хвосту сидѣла). Спаси и помилуй меня, Мать Пресвятая Богородица, а живу я въ крайней избѣ на селѣ. Матушка Похвала, да узнала-ль ты меня? я изъ Жидова замужъ выдана, Катерина, живу въ Твердовѣ, у Кирила. Батюшка Предтеча, я изъ Суботниковъ, Павлова сноха, Иванова жена, помилуй ты меня (бабьи молитвы).

Все это примѣры галиматьи сознательной, имѣющей цѣлью посмѣяться надъ кѣмъ нибудь. Чтобы играть такой галиматьей надо, чтобы слушатели сознавали, что происходитъ игра, что пародируется *чужое* несовершенство.

Къ области галиматьи должны быть отнесены сознательныя искаженія иностранныхъ словъ, какъ и неумѣстное ихъ употребленіе, всякіе инородческіе акценты, слѣдствія заиканія и другихъ недостатковъ рѣчи. Хотя все это и вызываетъ смѣхъ, особенно у аудиторіи средняго сорта, но истинное остроуміе прибѣгаетъ къ этому только для мѣстнаго колорита, играетъ же оно не *ошибочными звуками*, а *ошибочными мыслями*.

Когда выслужившійся изъ рядовыхъ капитанъ, услышавъ впервые обращенное къ нему слово „апропо" (à propos—кстати), возмущенно заявляетъ: „Я не апропо, а я тридцать пять лѣтъ своему государю служу", то игра построена на томъ, что невѣжественный офицеръ принялъ иностранное слово за бранное. Когда нѣмецъ возмущается трудностью русскаго языка, гдѣ одно и то же слово имѣетъ тысячу значеній: „и церковь у

нихъ—запоръ, и въ лавку долгъ—запоръ, и кругомъ сада—запоръ, и двери—на запоръ, и выйти не можетъ—запоръ", или онъ-же изумленный стоитъ передъ именемъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ: „одинъ Иванъ—должно, два Иванъ—можно, три Иванъ—никакъ не возможно",—то игра построена на особенностяхъ нѣмецкой фонетики и нѣмецкихъ обычаевъ, а не на акцентѣ.

Подобныя остроты отнюдь нельзя ставить на одну доску съ галиматьей, хотя они также эксплуатируютъ незнанiе рѣчи. Къ этому же типу мы отнесемъ неправильные переводы съ одного языка на другой, которыми иногда пользуются для иронiи и сарказма „Городской голова"—tête de la ville. „Кто кого?"—qui qui?. „Его соборовали святымъ масломъ"—on l'a cathedralisé du beurre saint. „Учить языку".—montrer la langue. „La tambour battait la générale"—барабанщикъ билъ генеральшу (вм. тревогу). „Bien être général"—хорошо быть генераломъ (вм. общее благосостоянiе). „Etre dans son assiette"—„быть въ своей тарелкѣ" и „faire la cour"—„строить куры" потеряли комическiй оттѣнокъ вслѣдствiе частаго употребленiя *). Извѣстный стихъ изъ „Освобожденнаго Iерусалима" Раича: „Вскипѣлъ Бульонъ, течетъ во храмъ" (вм. воспламенился Готфридъ Бульонскiй, идетъ въ храмъ), курьезенъ не тѣмъ, что переводъ не соотвѣтствуетъ мысли оригинала при всей буквальности его, а собственной двусмысленностью.

Переходя къ игрѣ мыслей, мы видимъ, что и тутъ можетъ быть эксплуатируемо незнанiе,—природная ограниченность, дѣтское непониманiе, разсѣянность, смущенность. Серьезная драма логики, какъ извѣстно, заканчивается въ учебникахъ веселымъ водевилемъ софизмовъ, представляющихъ не что иное, какъ игру мыслей. Мы часто слышимъ и походя употребляемъ сентенцiю: „нѣтъ правила безъ исключенiя". Но вѣдь эта сентенцiя тоже правило, и слѣдовательно, тоже допускаетъ исключенiе, т. е., что есть такое правило, которое исключенiй не имѣетъ. Наша сентенцiя сама въ себѣ содержитъ свое опровержение. Въ такомъ же родѣ извѣстный софизмъ о лжецѣ. Поэтъ Эпименидъ говоритъ, что всѣ критяне лгуны (изреченiе приводится апост. Павломъ въ посланiи къ Титу, 1, 12); но Эпименидъ самъ критянинъ, слѣдовательно, одно изъ двухъ: либо критянинъ сказалъ правду, и тогда утвержденiе, что критяне лгуны, неправильно, либо онъ солгалъ, что на самомъ дѣлѣ критяне народъ правдивый. Въ послѣднемъ случаѣ, Эпименидъ тоже человѣкъ правдивый, и критяне опять окажутся лгунами.

*) Послѣднее выраженiе („строить куры") дало Козьмѣ Пруткову поводъ сочинить „эпиграмму", основанную, какъ и большая часть Прутковскихъ остротъ, на игрѣ омонимовъ: „строитъ" архитекторъ, „куры" ведутся птичницей. Вотъ она:

Разъ архитекторъ съ птичницей спознался...
И чтожъ?—въ ихъ дѣтищѣ смѣшались двѣ натуры:
Сынъ архитектора, онъ строить покушался;
Потомокъ птичницы, онъ строилъ только—куры.

Въ чемъ ошибка? — Въ томъ, что словамъ „правило“ и „лгунъ“ приданы слишкомъ широкія значенія: подъ „правило“ подходитъ не всякая сентенція, а „лгунъ“ не тотъ, кто *всегда* лжетъ.

Одна изъ цѣлей остроумія заключается въ томъ, чтобы поймать ограниченность въ ловушку, выставить ее на Божій свѣтъ. Когда мы съ серьезнымъ лицомъ говоримъ кому нибудь: „спроси у гуся, не зябнутъ ли ноги?“ или „пришей кобылѣ хвостъ“, или совѣтуемъ беззаботному: „спи, лежи, государь казны пришлетъ“, или хвастуну: „не всѣхъ коли: хоть одного на племя оставъ“,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы улавливаемъ или подчеркиваемъ несовершенство нашихъ собесѣдниковъ.

Аристотель, перечисляя разныя неправильности мышленія, на первомъ мѣстѣ поставилъ соединеніе нѣсколькихъ вопросовъ въ одномъ. „Бьете ли вы теперь своего отца?“ Если вы отвѣтите „нѣтъ“, то подтвердите, что раньше били. Такіе коварные, *ехидные* вопросы, на которые вы не можете сказать ни „да“, ни „нѣтъ“, незаконны, особенно, если къ нимъ прибавлено требованіе: „отвѣчайте: да или нѣтъ“. „Ты пирогъ съѣлъ?— Ей-ей, не я.—А хочешь еще? —Хочу“. Подобные вопросы приводятъ насъ къ „дилеммѣ“, одной изъ наиболѣе употребительныхъ формъ остроумной игры, улавливающей незнаніе. Вы ставите противника въ такое положеніе, что ему приходится выбирать между двумя одинаково непріятными для него слѣдствіями, Человѣкъ разсказываетъ теперь что нибудь иначе, чѣмъ раньше, и вы спрашиваете: когда онъ собственно лгалъ, тогда или теперь?

Вотъ дилемма, поставленная халифомъ Омаромъ Александрійской библіотекѣ: „если собранныя тутъ книги согласны съ Кораномъ, онѣ излишни; если расходятся съ нимъ, то вредны; въ томъ и другомъ случаѣ онѣ подлежатъ уничтоженію.

Одурачиваніе противника, приведеніе его въ смущеніе остроумнымъ вопросомъ, искусственное созданіе нелѣпости, принимаемой тѣмъ за истину и обнаруживающей его глупость, составляютъ наиболѣе употребительные пріемы игры съ незнаніемъ.

„Братъ Кондратъ, пойдемъ кошекъ драть: тебѣ мясо, а мнѣ шкурка“. „Давай дружить: то я къ тебѣ (обѣдать), то ты меня къ себѣ (зови)“. „Какъ зовутъ?—Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой“. „Было семь безъ четырехъ, да три улетѣло“. „Эки чудеса: передокъ везу, задокъ самъ катится“!“ „Недавно ослѣпъ, а зги не видитъ“. „Чудо чудное, диво дивное: отъ черной коровки да бѣлое молочко“. „Когда — А когда чортъ по лыки въ лѣсъ ходилъ“. „Когда?—А когда чортъ крестился, или: когда завтра будетъ“ (т. е. никогда). „Съ концовъ обрѣзалъ, а въ середкѣ ничего не оставилъ“. „Сиротинушка нашъ дѣдушка: ни отца, ни матери“. „Который часъ—Первый послѣ давишняго“. „Какъ тебя зовутъ?— Какъ вчера звали, такъ и сегодня“. „Ярославцы—бѣлотѣльцы: пудъ мыла извели, а родимаго пятнышка съ сестры не смыли“. „Въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ, и то не упалъ“ (о шуянахъ). Смоляне міромъ блоху давили. Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились. Пензенцы въ Москвѣ свою ворону узнали. Устюжане Никодима распяли. Хлыновцы корову въ сапоги обули.

Когда мы о привередливыхъ говоримъ: „ему найди пѣгаго коня, да чтобъ былъ весь одной масти“, „ей щенка, да чтобъ не

сукинъ сынъ“, то мы выводимъ на свѣтъ Божій нелѣпость ихъ требованій. Но не только поймать въ ловушку ограниченность составляетъ цѣль остроумія, еще важнѣе самому увернуться отъ подобной участи. „Когда у нея нервы разыграются, такъ хоть чорту подарить ее“, — грубо бранится мужъ, страдающій отъ жениныхъ нервовъ. Но когда онъ къ этому прибавляетъ: „и притомъ незнакомому, чтобъ назадъ не принесъ“, то у насъ впечатлѣніе остроумнаго избѣжанія ошибки. „Удавись, гдѣ хочешь, только не въ нашемъ дворѣ“. „Дай Богъ тебѣ быть полковникомъ, да не въ нашемъ полку“.

Изъ всѣхъ пріемовъ игры съ незнаніемъ особенно употребительны два: когда человѣку подъ видомъ значительнаго и новаго говорятъ незначительное и всѣмъ извѣстное *(трюизмъ)*, и когда подъ видомъ несообразности говорятъ что нибудь вѣрное и важное *(парадоксъ)*.

„Для того, чтобы приготовить рагу изъ зайца, надо прежде всего имѣть зайца“. „Для того, чтобы опредѣлить, не испорченъ-ли окорокъ, нѣтъ надобности съѣсть его цѣликомъ, достаточно отвѣдать небольшой ломтикъ“ (Уайльдъ). „Разсуждай токмо о томъ, о чемъ понятія твои тебѣ сіе дозволяютъ. Такъ: не зная законовъ языка ирокезскаго, можешь ли ты дѣлать такое сужденіе по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?“ (Прутковъ). „Иной пѣвецъ подчасъ хрипнетъ“ (онъ-же). „И устрица имѣетъ враговъ“ (онъ-же). „Не ходи по косогору, сапоги стопчешь“ (онъ-же). „Никто не обниметъ необъятнаго“ (онъ-же). „Сальныхъ свѣчей не ѣстъ, чернилъ не пьетъ, стекломъ не утирается“. „Холоду не любитъ, въ жару не спитъ“. „Коли два, такъ не одинъ“. „Всѣ Иванычи—Ивановы дѣтки“.

Это—все *трюизмы*, которые, подобно пословицамъ (большинство пословицъ—тѣ же трюизмы), способствуютъ болѣе наглядному обнаруженію незнанія. Сами по себѣ трюизмы смѣхотворны только въ томъ случаѣ, когда они, при всей очевидности и банальности, самоувѣренно выдаются за нѣчто новое, важное и глубокомысленное.

Гораздо выше и серьезнѣе второй типъ игры съ незнаніемъ—парадоксъ: тутъ остроуміе нарочно скажетъ несообразность, въ ней однако, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается извѣстный смыслъ. Такъ, рѣчь и молчаніе—понятія противоположныя и взаимно исключающія другъ друга, а между тѣмъ мы всѣ употребляемъ несообразность: „краснорѣчивое молчаніе“. Это—парадоксъ: мысль-то тутъ нормальная, только ей придана форма несообразности. Ибо если краснорѣчіе взять въ широкомъ смыслѣ слова, то всякій жестъ и всякая мина на лицѣ будутъ говорить, и говорить иногда ярче и краснорѣчивѣе словъ, и самое молчаніе, слѣдовательно, можетъ быть не менѣе краснорѣчиво. Когда Талейранъ говоритъ, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли, то его словамъ лишь придана форма несообразности, на самомъ же дѣлѣ, и скрывая свои мысли подъ

другими, мы не перестаемъ утилизировать настоящее назначенiе языка. Противорѣчiя парадоксовъ только кажущiяся, мнимыя, и въ нахожденiи этихъ мнимыхъ противорѣчiй у нормальныхъ мыслей и состоитъ задача остроумiя.

Вотъ еще примѣръ парадокса. Закону логическаго дѣленiя противорѣчитъ повторенiе одного и того же при перечисленiи частей; когда же повторяемое представляетъ только одно слово, и когда это слово повторяется нѣсколько разъ непосредственно, безъ другихъ членовъ дѣленiя, да и кромѣ повторяемаго слова никакихъ другихъ членовъ дѣленiя нѣтъ,—то мы имѣемъ дѣло съ очевидной глупостью. А между тѣмъ извѣстное изреченiе, что для веденiя войны требуется имѣть, во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и въ третьихъ, деньги, вовсе не глупость; оно не было бы остроумно, если бы ему не была придана форма глупости.

Парадоксы: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Тише ѣдешь, дальше будешь. Проселкомъ (околицей) къ ночи, а прямо (т. е. не торной дорогой)—дай Богъ къ свѣту. Не бойся непрiятеля, а бойся прiятеля. Не нашли Богъ ворога, а добрые люди найдутся.

Глава VIII. **Пародiя, эпиграмма и юморъ.**

У древнихъ грековъ *пародiей* называли передѣлку общеизвѣстныхъ и замѣчательныхъ стихотворенiй (обыкновенно пѣсенъ Гомера), которыя отъ перемѣны одного или нѣсколькихъ словъ созвучными получали другой смыслъ: вмѣсто возвышеннаго выходило нѣчто обыкновенное и смѣшное. Съ теченiемъ времени понятiе пародiи расширилось чрезвычайно: сюда входятъ всякiя подражанiя (имитацiи) рѣчи, голоса, жестовъ, стиля, акцента и другихъ особенностей тѣхъ или другихъ лицъ; стали пародировать картины, иллюстрацiи, музыку. Самымъ главнымъ условiемъ успѣха пародiи—это знакомство читателя съ пародируемымъ: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого знакомства нѣтъ, пародiя теряетъ свою соль. Разительный примѣръ этого имѣемъ на пародiяхъ Козьмы Пруткова: оперируя наиболѣе дешевыми прiемами остроумiя, онъ весь ушелъ въ пародiи, и тамъ, гдѣ онъ пародируетъ произведенiя, доселѣ сохранившiя жизненность, онъ тоже жизненъ, въ другихъ случаяхъ—соль ушла, осталась одна пошлость.

Одна изъ лучшихъ его пародiй, имитирующая древне-греческую поэзiю въ передачѣ русскихъ поэтовъ XIX в., называется „Философъ въ банѣ“:

Полно меня, Левконая, упругою гладить ладонью.
Полно по чресламъ моимъ, вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго Тавра:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя,
Опытенъ Тавръ и силенъ. Ему нипочемъ притиранья!
На спину вскочитъ какъ разъ; въ выю упрется пятой...
Ты же, межъ тѣмъ, щекоти мнѣ слегка безволосое темя;
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась.

Тутъ пародируются не только русская форма древне-греческой поэзiи, но и мысли древняго грека: пародiя перестала быть простою

игрою звуковъ. Тоже имѣемъ въ другомъ стихотвореніи того-же Пруткова, пародирующемъ Гейне и озаглавленномъ „Память прошлаго".

Помню я тебя ребенкомъ,
Скоро будетъ сорокъ лѣтъ;
Твой передничекъ измятый,
Твой затянутый корсетъ...
Было въ немъ тебѣ неловко...
Ты сказала мнѣ тайкомъ:
„Распусти корсетъ мнѣ сзади,
Не могу я бѣгать въ немъ".
Весь исполненный волненья,
Я корсетъ твой развязалъ...
Ты со смѣхомъ убѣжала,
Я жъ задумчиво стоялъ.

Обыкновенно пародія менѣе остроумна и, какъ всякая игра звуковъ, доступна самымъ неглубокимъ умамъ. Юмористическіе журналы и газеты недавняго времени были полны пародіями наиболѣе извѣстныхъ стихотвореній Пушкина и Лермонтова... на публицистическія темы: авторы брали знаменитые образцы только для облегченія себѣ авторскаго труда; къ изящной литературѣ эти произведенія не относятся.

Къ области литературной пародіи надо отнести произведенія на современныя темы, написанныя на церковно-славянскомъ языкѣ (прежде на этомъ поприщѣ отличался Костомаровъ, въ послѣднее время Амфитеатровъ) или на французско-нижегородскомъ („Сенсаціи г-жи Курдюковой" Мятлева), или устарѣломъ русскомъ („Выдержки изъ записокъ моего дѣда" Пруткова), равно какъ анекдоты изъ армянскаго, еврейскаго, нѣмецкаго, малороссійскаго быта, гдѣ пародируется русскій языкъ данныхъ народностей. Надо однако замѣтить, что необыкновенный языкъ пародій лишь тогда увеличиваетъ смѣхотворность содержанія, когда послѣднее и само бы могло перенести насъ въ образъ мыслей, соотвѣтствующій сему языку, иначе языкъ оказывается самъ по себѣ, а содержаніе само по себѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ краткихъ пародій:

Пить или не пить, вотъ въ чемъ вопросъ (у Шекспира, „быть или не быть, вотъ въ чемъ вопросъ). Квисъ нонъ клячамъ габетъ, пѣхотаре дебетъ (= у кого нѣтъ клячи, долженъ идти пѣшкомъ) Си лошадка нонъ эстъ, пѣши ходаре дебетъ (тоже). Званъ быхъ и пріидохъ. „Съ Масквы, съ пасада, съ авашнова ряда" (дразнятъ акальщиковъ) „Бологого во Володимірѣ: стоканъ испить—голова болитъ" (дразнятъ окальщиковъ). Невнненъ, но не заслуживаетъ снисхожденія. Бди! (пародія команды: „пли". Пруткова). Консулы, бдите! (caveant consules!). Дома хорошо, а въ гостяхъ лучше (выворочена пословица). Яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего (по извѣстному выраженію молитвы: яко благъ и Человѣколюбецъ"). Одинъ умъ хорошо, а полтора лучше (въ пословицѣ „а два").

Если пародія, какъ передразниваніе, самый легкій жанръ юмористической литературы, сводящійся зачастую къ игрѣ звуковъ, то *эпиграмма*—самый трудный жанръ ея. Эпиграмма собственно значитъ „надпись"; древніе греки писали короткія надписи на памятникахъ умершихъ дѣятелей („эпитафіи"), на

подаркахъ, на художественныхъ произведеніяхъ, и въ остроумной поэтической формѣ старались давать характеристику этихъ дѣятелей и предметовъ. Потомъ эпиграммы потеряли значеніе дѣйствительныхъ надписей, а сочинялись по разнымъ поводамъ для характеристики событій и людей. Въ этомъ значеніи слово употребляется донынѣ.

Уже древніе установили правило для эпиграммы:

Omne epigramma sit instar apis, sit aculeus illi,
Sint sua mella, sit et corporis exigui.

(Эпиграмма должна быть подобна пчелѣ: должна имѣть жало, медъ и небольшіе размѣры).

Вышеприведенная эпиграмма Лермонтова:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре,

удовлетворяетъ всѣмъ тремъ требованіямъ, но большинство эпиграммъ Пушкина и того же Лермонтова не удовлетворяютъ классическимъ требованіямъ и имѣютъ только небольшой размѣръ и жало, прибѣгающее инсгда къ непечатной брани, какъ къ высшему проявленію негодованія.

Благодаря своей краткости и риѳмѣ эпиграмма легко удерживается въ памяти, и, переходя изъ устъ въ уста, представляетъ могучее наступательное орудіе въ рукахъ остроумнаго поэта. Пушкинъ, эпиграммы котораго представляютъ кульминаціонный пунктъ русской эпиграммы, прекрасно выразилъ это въ нѣсколько хвастливомъ стихотвореніи, озаглавленномъ: „Прозаикъ и поэтъ":

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую—
И горе нашему врагу!

И дѣйствительно, въ исторіи русской литературы, благодаря Пушкину, имена Булгарина и Каченовскаго оплеваны на вѣчныя времена (послѣдній, какъ говорятъ, совершенно напрасно), а сколько лицъ при жизни поэта всюду носили съ собою наложенное на нихъ клеймо!

Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
И кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу когда нибудь любого:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный—
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

Увы, своими эпиграммами поэтъ создалъ себѣ враговъ непримиримыхъ,—и палъ, преслѣдуемый своими жертвами.

Разбирая образцовыя эпиграммы Пушкина и Лермонтова, мы видимъ, что они пользуются всѣми формами остроумія, начиная

съ самой несложной игры звуковъ, сводящейся къ риѳмѣ, продолжая игрой омонимовъ, синонимовъ и контрастовъ, и кончая весьма сложной игрой мыслей.

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, весталка.
Тебя мнѣ жалко!

Пушкинъ.

Эпитафія утонувшему игроку.

Кто яму для другихъ копать трудился,
Тотъ самъ въ нее упалъ—гласитъ Писанье такъ.
Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
Топилъ людей—и утопился.

Лермонтовъ.

На Сенковскаго („Барона Брамбеуса“).

Подъ фирмой иностранной, иноземецъ,
Не утаилъ себя никакъ;
Бранится пошло: ясно, нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

Лермонтовъ.

На Булгарина.

Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.

Пушкинъ.

П—му.

Онъ третьей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель,
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

Пушкинъ.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ.
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ:
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

Пушкинъ.

„Сыны Отечества“ и „Вѣстники Европы“
Полезны для ума, а болѣе для ж . . .

Пушкинъ.

Хоть участье не поможетъ,
Все-жъ мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у . . . . ни стиховъ.

Пушкинъ.

На Булгарина.

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ;
Кто-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ на Мѣщанской дворянинъ.

Пушкинъ.

Графинѣ О. Ч.

Благочестивая жена,
Душою Богу предана,
А грѣшной плотію,
Архимандриту Фотію.

Пушкинъ.

Онъ добрый малый, братъ сестрицамъ,
Онъ не былъ золъ ни для кого;
Скажите правду, князь Голицынъ,
Ужъ не повѣсятъ ли его?

Пушкинъ.

Предоставляя читателямъ самимъ разобраться, къ какому типу игры остроумія относится каждая изъ этихъ эпиграммъ, переходимъ къ послѣднему, самому неуловимому жанру юмористической литературы, давшему этой литературѣ свое названіе,— *юмору*.

Эстетическая свобода, о которой мы говорили выше (въ гл. II), проявляется въ наиболѣе чистомъ видѣ въ юморѣ: тутъ человѣкъ сбросилъ съ себя гнетъ повседневной жизни съ ея заботами и трудами, надеждами и неудачами, какъ бы отрекся отъ себя совершенно и смотритъ на весь Божій міръ чрезъ эстетическіе очки,—безъ вожделѣній, безстрастно, беззлобно. Юмористъ въ одно и то же время философъ и поэтъ, работаетъ головой и сердцемъ, способенъ играть большимъ и малымъ, низкимъ и возвышеннымъ, пороками и достоинствами, страданіями міра и его собственными. Въ чемъ сущность юмора, не поддается опредѣленію.

У Марка Твэна на дачу забрались воры, произвели переполохъ и унесли серебро. Знаменитый юмористъ прибилъ къ дверямъ дачи такое объявленіе:

Вниманію слѣдующаго вора.

Въ этомъ домѣ отнынѣ держатъ исключительно мельхіоровыя вещи. Ихъ вы найдете въ мѣдномъ ящикѣ въ углу, тамъ, гдѣ стоитъ корзинка для кошки. Если вамъ понадобится корзинка, переложите котятъ въ мѣдный ящикъ. Но, главное, не производите шума. Это безпокоитъ нашу семью. Пожалуйста, не забудьте также закрывать за собою выходную дверь. Съ совершеннымъ почтеніемъ С. Л. Клеменсъ.

Что тутъ воспринимается нами какъ юморъ? Вѣжливая ли рѣчь, обращенная къ человѣку, къ которому обыкновенно обращаются иначе? Предупредительность-ли сообщенія о мельхіоровыхъ вещахъ и о мѣстѣ, гдѣ они находятся? Напоминаніе о корзинѣ или предположеніе, что воръ позаботится о котятахъ? Просьба о непроизводствѣ шума или мотивировка ея? Или все, вмѣстѣ взятое, есть иронія надъ собственной беззащитностью? Анализъ тутъ невозможенъ. Есть люди, отъ природы одаренные великой способностью юмора; ученіемъ ея не пріобрѣтешь. Юмористомъ рождаются, а не дѣлаются.

У нѣмцевъ есть выраженіе „Galgenhumor", которое въ русскихъ юмористическихъ журналахъ неуклюже переводится черезъ „Юморъ висѣльника". Когда человѣкъ, который претерпѣлъ великое горе или находится предъ лицомъ большой опасности, которому, напр. предстоитъ висѣлица, всетаки и въ такомъ отчаянномъ положеніи находитъ въ себѣ силы, чтобы шутить надъ окружающими или надъ собой, то его шутки сами по себѣ, помимо ихъ достоинствъ или недостатковъ съ точки зрѣнія техники

остроумія, производятъ сильное впечатлѣніе: въ нихъ красота свободы, силы и философскаго самообладанія.

Когда Челкашъ шепнулъ „кордоны", - читаемъ у Горькаго,— Гаврила дрогнулъ. „Дуракъ, это крейсеръ таможенный... наклоняютъ зеркало такъ и этакъ и освѣщаютъ море, чтобы видѣть, не плывутъ-ли гдѣ такіе, какъ мы съ тобой. За контрабандой это слѣдятъ".

Прочитавъ въ газетахъ извѣстіе о своей кончинѣ, Маркъ Твэнъ прислалъ слѣдующее опроверженіе: „слухи о моей смерти сильно преувеличены". Такое же опроверженіе было недавно въ русскихъ газетахъ: „извѣстіе о моемъ самоубійствѣ преждевременно".

Вотъ нѣсколько образчиковъ народнаго русскаго юмора *).

Прежде отца въ петлю не суйся. Наша горница съ Богомъ не спорница: на дворѣ тепло и у насъ тепло, на дворѣ холодно, и у насъ таково. Наготы, босоты—изувѣшаны шесты, холоду, голоду— амбары полны, а чего нѣтъ— тому и счету нѣтъ. Ни кола, ни вола, ни села, ни двора, ни мила живота, ни образа помолиться, ни хлѣба, чѣмъ подавиться, ни ножа, чѣмъ зарѣзаться. Наше наживное— по дырѣ въ карманѣ. Все есть, только птичьяго молока нѣтъ. Рогатой скотины—ухватъ да мутовка (или: вилы да грабли, пѣтухъ да курица). хорошей одежды— мѣшокъ да рядно, мѣдной посуды—крестъ да пуговица. Невѣста съ приданымъ: у рукъ, у ногъ пальцевъ по двѣ дюжины безъ малаго, только четырехъ не достало. Сапоги каши просятъ. Продалъ на рубль, пропилъ полтину, пробуянилъ другую, только и барыша, что голова болитъ. Поѣхалъ парой (или: на своихъ на двоихъ). Потѣшь батьку (попа): помри. Потѣшь міръ: ступай въ солдаты. Экой большой, съ недѣлю выросъ. Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла, я и самъ нехорошъ. Валяй, кургузка, недалече до Курска: семь верстъ отъѣхали, семьсотъ ѣхать. Просаввилась еси, проварварилась еси (Савва празднуется 4-го декабря, Варвара— 5-го). Брось калачъ за лѣсъ, назадъ пойдешь, найдешь. Нѣмой „караулъ" закричалъ, безногій на пожаръ побѣжалъ. Въ одномъ карманѣ смеркается, въ другомъ заря занимается. Въ одномъ карманѣ клопъ на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи. У нашего хозяина два кваса: одинъ какъ вода, а другой пожиже. За правду Богъ лица набавилъ (о лысомъ). Я у него на крестинахъ не бывалъ: лѣтъ его не знаю. Человѣкъ Божій обшитъ кожей. Улыбнулся на всю комнату (расхохотался). Сапоги каши просятъ. Мы и тамъ служить будемъ на бѣръ: они будутъ въ котлѣ кипѣть, а мы станемъ дрова подкладывать.
Деретъ коза лозу, а волкъ козу, а мужикъ волка, а попъ мужика, а попа приказный, а приказнаго чортъ. Не дружка—такъ ровня, не ровня—такъ свой братъ. Все худое: выбирай любое. Сперва не прытко, а тамъ потише. Что по утру, что спозаранку. Коли тѣсно, такъ подвинься. Спереди дуракъ, да и сзади такъ. Что плохо, то и худо. Плѣшь не плѣшь, а лысинѣ сродни. Глупъ по самый пупъ, а что выше, то пуще. Не бей по темени, бей по маковкѣ, По латыни — два алтына, а по русски — шесть копѣекъ. „Стрижено! — Нѣтъ, брито". „Нѣтъ, не плѣшь, а лысина". „Не молотомъ, а обухомъ". Эти щи изъ Царяграда пѣши шли (холодны). Такой чай, что сквозь него Кронштадтъ виденъ (или: Москву насквозь видно). Чай пьютъ въ приглядку, въ прилизку (pendant къ выраженіямъ: „въ накладку", „въ прикуску"). Пирогъ съ макомъ смакомъ (т. е. вкусомъ) лакомъ. Середа ниже пятницы (юбка видна изъ подъ платья). Алеша три гроша: шейка копѣйка, алтынъ голова, по три денежки нога,— вотъ ему и вся цѣна. Куль съ бородой на говяжьихъ подставкахъ (брюханъ). „Родился малъ, росъ глупъ, выросъ пьянъ, померъ старъ, ничего не знаю— отвѣчаетъ запорожецъ на томъ свѣтѣ.—Иди, душа, въ рай,— говорятъ ему". „Проклятые москали, столбовъ понаставили, ажно проѣхать не можно"—сказалъ хохолъ, наѣхавъ на версту. „Терпѣть не могу этой тѣсноты"—сказалъ чумакъ, доставая огня на люльку среди голой степи и опрокинувъ при этомъ

---

*) Мы исключили народныя перифразы для словъ: „пить", „бить", „брать взятки" и „убѣгать", какъ имѣющіяся въ нашемъ „Словарѣ синонимовъ и сходныхъ по смыслу выраженій".

котелокъ. „Хоть его святи не святи, а онъ все въ болото лѣзетъ",—сказалъ воронежецъ, уронивъ въ грязь поросенка, котораго, по мѣстному обычаю несъ домой вмѣстѣ съ пасхою отъ пасхальной заутрени. „Да не всѣ разомъ",—сказалъ хмѣльной казакъ, который, полѣзая на коня, просилъ помощи угодниковъ, и перекинулся черезъ сѣдло наземь. Не годится Богу молиться, такъ годится горшки покрывать (дразнятъ Суздальскихъ богомазовъ). Люди собираются молебенъ пѣть,—дай и я помолюсь даромъ. „Выпьемъ?—Выпьемъ.—А деньги гдѣ?—А шапка у тебя на что?" „Склизко, неловко, въ середкѣ веревка",—сказалъ хохолъ, когда съѣлъ сальную свѣчу вмѣсто спаржи. „Стой, батальонъ: пуговку нашелъ! Маршъ-маршъ,—безъ ушка!" „Ахъ, мама, какая я сегодня дистрé!—Говори по русски, это по нашему разиня!" „Разбуди меня, мама, завтра пораньше!—Что такъ? Да вотъ хлѣбушка ломоть доѣсть: теперя ужъ не смогу". „Взгляни на крыльцо, чтобъ самоваръ не ушелъ! Ушелъ, доложила дѣвка, воротясь.—Такъ накрой его скорѣе крышкой!—И съ крышкой ушелъ (онъ былъ украденъ прохожимъ)". „Почемъ нанялся? — Да семь денъ на недѣлѣ работы, а спать про себя". „Чья свадьба? — Женится медвѣдь на коровѣ (или: ракъ на лягушкѣ; или: Питеръ женится, Москва замужъ идетъ). „А что просишь за Москву?—спросилъ богатый мужикъ и полѣзъ за пазуху. „Хлѣбъ ѣсть умѣешь?—Умѣю.—А еще что?—Да коли поднесете, такъ выпью". „Что ужинали? — Ветчину съ картофелемъ. Мы тоже только безъ ветчины". „Что обѣдали.—Пирогъ безъ начинки" (хлѣбъ). Гдѣ былъ?—Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ, а ночую дома". „Очемъ была рѣчь? — О томъ, о семъ, а больше ни о чемъ". „Который часъ?—Первый послѣ давишняго". „Которое число мѣсяца?—Мѣсяцъ на небѣ, а число въ святцахъ". „Гдѣ?—Противъ неба на землѣ, въ непокрытой улицѣ". „Дешевъ хрѣнъ, да чортъ-ли въ немъ", сказалъ цыганъ, купившій его на грошъ и плакавшій цѣлую недѣлю, пока ѣлъ его. „Гуляй, ребята, покуда я гуляю",—сказалъ вахмистръ, глядя на нечищенныхъ лошадей. „Заманивай непріятеля, заманивай" — говорилъ Суворовъ бѣгущимъ солдатамъ. „Что нашелъ? чуръ пополамъ!"—говорятъ упавшему. Въ работѣ отстаемъ, за то въ ѣдѣ обгоняемъ. Для друга послѣдній косокъ., съѣмъ. Ты-то умница... а кошка дура. „Иванъ, зануздай мою кобылу!—А самъ что жъ?—Да вишь, ломоть въ рукахъ.—Ну положь въ шапку!—Да не лѣзетъ". Невзначай рука въ чужой карманъ попала. Охоча сорока до находки (о ворѣ). Не укралъ, а просто взялъ. Нашелъ шапку на колочкѣ. Что взято съ чужого двора, да внесено въ свои ворота, такъ ужъ будто украдено? Нынѣ люди таковы: унеси что съ чужого двора,—воромъ назовутъ. Добраго человѣка да лихіе люди въ клѣти поймали. Корову купилъ, а цѣну забылъ. „Краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленой сбойдется",— сказалъ цыганъ. „Живѣе! одна нога тутъ, другая тамъ". „Скорѣе!—Скоро блины пекутъ (или: блохъ ловятъ)". „Держись!—Держалась кобыла за оглобли да упала". „Все равно!—Нѣтъ, не все равно: есть и горы". „Дай молочка!—Погоди, не подоили еще бычка". „Дай хлѣбца!—А вотъ погоди, вспашемъ да посѣемъ (или: теперь у самихъ нѣтъ, а съѣдимъ, такъ вамъ дадимъ)". „Я хочу!—Хоти, поколѣ не расхочешь". „Мнѣ хочется!—Пожди, авось расхочется". „Здравствуй! — Здорово, коли не шутишь". Наше вамъ съ кисточкой! Съ пальцемъ девять! Права рука, лѣво сердце! „Какъ поживаете?—Все въ одной шкурѣ". „Какъ дѣла? Какъ сажа бѣла". Каково васъ Господь перевертываетъ? „Каково (каковеньки) живете? — Да перекладываемся изъ кулька въ рогожку (или: живемъ изъ кулака въ ротъ)". „Что подѣлываете?—Да скучаемъ по маленьку". „Какъ живете-можете?—Да ни разувшись, ни обувшись". „Спокойной ночи, спать до полночи, вытаращивъ очи". „Ползи, что-ли! (скорѣе!)" „Протягивай глаза" (смотри!). „Не тычь пальцемъ, обломишь" (не забывайся). „Не тряси головой, какъ упрямая кляча: татарамъ продадимъ" (говорятъ дѣвушкѣ, не желающей замужъ). „Женилъ бы тебя!"—сказалъ мужикъ въ сердцахъ строптивому мерину. „До свадьбы заживетъ"; „засохнетъ какъ на собакѣ" (о легкой ранѣ). Мы ближняя родня: на одномъ солнышкѣ онучи сушили; или: на моей бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а его дѣдушка подошелъ да руки погрѣлъ; или: моя бабушка съ его дѣдушкой вмѣстѣ капусту садили; или: наши собаки изъ одного корыта лакали; или: наша Марина вашей Катеринѣ двоюродная Прасковья; или: нашему слесарю двоюродный кузнецъ; или: седьмая вода на киселѣ (на квасинѣ). „Слабъ памятью: что у кого возьметъ, за-

будетъ. Легко ранили: и головы не нашли. Лихой конь: всѣхъ встрѣчныхъ обгоняетъ. Сухо: по самое ухо. Вертлява: въ нее и въ ступѣ пестомъ не угодишь. Все наготовѣ: сани въ Казани, хомутъ на базарѣ. Уродъ: изъ заду ноги. Уродъ: весь въ отцовъ родъ. Уродъ: голова по маковку, а ноги по самыя пятки. Оптовый купецъ: отъ крючка петельки не рознитъ. Купецъ: въ прохладномъ ряду пылью торгуетъ. „Самъ бы ѣлъ, да деньги нужны" (говорятъ торговцы). Хлѣбца купить не на что, съ горя чаекъ попиваемъ. „Куплю въ другой лавкѣ!—Купишь, да кукишъ". Горе наше—ржаная (или: гречневая) каша, а поѣлъ бы и такой, да нѣтъ никакой. Плохо, что худо, а и того плоше, какъ и худого нѣтъ. „Хорошо что вода, а кабы вино, бѣда бы моя",—сказалъ татаринъ, котораго мужикъ угостилъ водой. Немудрено: подай, а мудренѣй того: гдѣ взять. „Кого люблю, того и бью.—Такъ бы тебя Богъ любилъ, какъ ты меня меня любишь". „Жена, а жена, любишь-ли меня?—А?—Аль не любишь? —Да.—Что да?—Ничего". Любитъ какъ собака палку. „Кто тамъ?—Мы.—А кто вы?—Калмыки.—А много ль васъ?—Я одна". Коли вру, такъ дай Богъ печкой подавиться. Вотъ тебѣ моя рука, что изо ржи будетъ мука (шуточная клятва). „Лопни глаза (бараньи). Чтобъ дня не пережить (собакѣ)! Отсохни рукавъ" (вм. рука; все—обманныя клятвы, reservatio mentalis). „Для чего-ты будишь меня?—Я не бужу, а только спросилъ: спишь-ли?" Чего не видалъ? (поди прочь) Что позабылъ тутъ? Тебя только тутъ не доставало. Что я тамъ потерялъ? Будь знакомъ, ходи дальше. Люби насъ, ходи мимо. Милости просимъ мимо воротъ щи хлебать. Ходите почаще, а безъ васъ веселѣй. Приходи вчера. Больного потчуютъ, здоровому наливаютъ. Не осуди въ лаптяхъ, сапоги въ саняхъ. И свѣтишь, да не грѣешь,—только напрасно у Бога хлѣбъ ѣшь (мѣсяцу). Хорошо и солнышко: лѣтомъ печетъ, а зимою не грѣетъ. Хорошъ братъ: сестру продалъ; хороша и сестра,—отъ брата ушла (свадебн.). Что за шумъ, а драки нѣтъ? Полно браниться: не пора-ли подраться? Кабы ты была пила, была бы ты желѣзная (мужъ женѣ). И взлаешь да не какъ собака! Не житье съ волкомъ и собакѣ (жена мужу). На счастливаго и звѣрь укрощается, на несчастнаго всякій гадъ подымается (мужъ женѣ). Та бы корова молчала, которая подъ медвѣдемъ бывала. Чья бы ни рычала, да своя-то бы молчала! Дураки да бѣшены, знать, не всѣ перевѣшаны (остался тотъ, о комъ говорятъ). Двѣ матери, двѣ дочери, да бабушка съ внучкой, а ихъ всего трое (мать, дочь и внучка). Шли двѣ матери съ дочерьми, да бабушка со внучкой, нашли полтора пирога, по многу-ль достанется (по половинѣ). Шли мужъ съ женой, братъ съ сестрой, да кумъ съ кумой, нашли полтора хлѣба, раздѣлили по полухлѣбу. Шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? (сынъ).

КОНЕЦЪ.

Содержаніе.